
K.E.
ПЛАМЯ
ДРАКОНА

К. Е.

Пламя дракона

«Автор»
2026

Е. К.

Пламя дракона / К. Е. — «Автор», 2026

В городе, где тепло дороже золота, за каждый огонь приходится платить.Восемнадцатилетняя Ника Вель случайно узнаёт, какую страшную тайну скрывает Сердце, согревающее город. В поисках правды о пропавшей матери она сближается с Дамианом Рейном — сыном человека, которому нельзя доверять.Но что, если спасение города обернётся его гибелью? И кого придётся предать, чтобы освободить того, кто слишком долго горел ради других?

© Е. К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Чужое подключение 5
Глава 2. Холодная вода 12
Глава 3. Проверка 19
Глава 4. Ночной выброс 25
Глава 5. Предложение хранителей 32
Глава 6. Верхние комнаты 38
Глава 7. Закрытая лестница 44
Глава 8. Под нагрузкой 51
Глава 9. Сердце 58
Глава 10. Условия молчания 63
Глава 11. Отпечаток 68
Глава 12. Выходной 74
Глава 13. Ошибка на карте 79
Глава 14. Ночная пекарня 83
Глава 15. След матери 88
Конец ознакомительного фрагмента. 91

К. Е.
Пламя дракона

Глава 1. Чужое подключение

— Если спросят, ты пришла за бельём.

Из бокового кармана сумки торчала медная скоба. Ника задвинула её поглубже и повернулась к госпоже Рут.

— Тогда дайте мне простыню. Заверну инструмент.

Рут не улыбнулась. Оттеснила её от окна в глубину кухни и задёрнула занавеску. На столе стояли три чашки, но чай был налит только в одну. В остальных плавали кусочки льда.

— С утра так, — сказала она. — Вчера хоть к вечеру дали.

Ника сняла перчатку и приложила пальцы к трубе под подоконником. Холодная. На соединении висела прозрачная капля; пока они смотрели, она вытянулась, упала и разбилась о край миски.

— Кто ставил отвод?

— Мужчина.

— Уже легче. Полгорода можно не проверять.

— Я имени не спрашивала.

Ника присела. Поверх старой заводской пломбы кто-то намотал тонкую проволоку и залил серой краской. За такую работу Марта оторвала бы ученику руки. Сначала заставила бы всё переделать, потом оторвала.

— Сколько взял?

Рут поправила ворот кофты.

— Мне надо знать, стоит ли его искать, — сказала Ника.

— Двенадцать.

Она промолчала. За двенадцать серебряных здесь можно было снять комнату на два месяца. С окнами во двор и клопами, зато с комнатой.

— Обещал до весны, — добавила Рут.

Из соседнего помещения донёсся кашель. Потом скрипнула кровать.

— Бабушка, кто там?

— Из прачечной пришли. Лежи.

Ника провела ногтем по краске. Та отошла лоскутом. Под ней оказалась трещина, пока сухая.

Она пришла заменить кольцо на законном вводе: простой вечерний заказ, за который Рут собиралась отдать половину деньгами, половину сушёными яблоками. Теперь перед ней был чужой отвод прямо от общего стояка. Ни заслонки, ни возвратного клапана. Если пустить по нему рабочий напор, горячая вода выбьет заглушку в стене.

— В подвал проведёте?

— Починишь?

— Сначала посмотрю.

— У меня внучка болеет.

Ника натянула перчатку зубами.

— Я слышу.

В коридоре пахло варёной капустой и сырыми валенками. Над лестницей висел лист с расписанием подачи тепла: утро — два часа, вечер — три. Внизу от руки приписали: «Перенесено». Куда именно, не уточнялось.

Рут несла лампу перед собой. Свет прыгал по ступеням. На третьей снизу лежала дохлая мышь; хозяйка переступила через неё с таким видом, словно та появилась исключительно назло гостям.

У подвальной двери ждал мужчина в жилете поверх ночной рубахи.

— Вот, — сказал он. — Я же говорил, мастер нужен.

— Я её позвала, — отрезала Рут.

— А я что сказал?

Он потянулся к Никиной сумке. Она повернулась боком и прижала сумку к бедру. Мужчине пришлось убрать руку.

В подвале было теплее, чем на кухне. Это сразу ей не понравилось.

Вдоль потолка шёл общий стояк, обёрнутый войлоком. На стене зеленела медная табличка с номером дома. Под ней стояли таз, ведро и детская ванночка. Вода капала во все три с разной частотой. Ника поставила лампу на ящик, достала короткий ключ и подняла голову.

Чужая труба уходила вверх за перекрытие. Новая медь, толстый припой. Мастер потратился на видимую часть и сэкономил там, куда заказчица не полезет.

— Когда подключили?

— Позавчера, — ответила Рут.

— Кто-нибудь ещё пользовался?

Мужчина в жилете посмотрел на потолок.

— Ясно. Сколько квартир?

— Четыре, — сказала хозяйка.

— Семь, — поправил он.

Ника положила ключ обратно.

На таких вводах стоял ограничитель. Одна квартира оттянула бы немного тепла, но семь уже меняли давление во всём ответвлении. Соседние дома могли остаться без вечерней подачи, даже если смотритель открыл им тепло вовремя.

— Надо закрывать.

— Так закрыто же, — сказал мужчина.

— Здесь. А внизу ваш мастер открыл проход шире. Слышите?

Из-за стены доносился глухой частый стук. Рут наклонила голову, прислушиваясь.

— Это со вчерашнего дня. Я думала, у Фернов опять кровать.

— Они этажом выше.

— Так у них хорошая кровать.

Ника не удержалась и фыркнула. Рут тут же сердито отвернулась, но плечи у неё немного опустились.

За спиной зашуршало. На лестнице собрались ещё люди: женщина с ребёнком на бедре, худой старик, мальчик лет десяти с пустой кружкой. Они ждали, не решаясь войти.

— Мне нужен доступ к уличному колодцу, — сказала Ника. — И все квартирные краны закройте. Даже если сейчас холодные.

— А потом откроем? — спросила женщина.

— Когда скажу.

Мужчина в жилете шагнул к ней.

— Нам бы сперва о цене.

— За кольцо — как договаривались. За остальное скажу, когда пойму, что там.

— Обычно сначала называют сумму.

Ника подхватила сумку.

— Можете позвать того, кто взял двенадцать.

На улицу она вышла одна. Рут осталась собирать ключи от квартир: почему-то только теперь выяснилось, что двое жильцов ушли на работу, оставив краны открытыми.

Ветер загнал под воротник мелкую ледяную крупу. На противоположной стороне переулка торговец сворачивал навес над тележкой. Колесо застряло между камнями, и он ругался на него вполголоса, почти ласково. За крышами белела стена тумана. Пока далеко: возле старой мельницы, если судить по торчащей над ним трубе.

Ника нашла крышку колодца под слоем грязного снега. Поставила рядом сумку и полезла за крюком.

— Только скажи, что тебя здесь нет.

Марта стояла у поворота, держа за ошейник чужую собаку. Собака деловито облизывала ей рукав.

— Меня здесь нет, — послушно сказала Ника.

— А сумка твоя?

— Удивительное сходство.

Марта отпустила собаку. Та немедленно побежала к торговой тележке.

— Я тебя до полудня ждала на складе.

— Был заказ.

— В книге его нет.

— Вечерний.

— Сейчас что?

Над крышами тянулась низкая полоса серых облаков.

Марта прошла через переулок и наступила на край крышки, проверяя, не примёрзла ли. На левой брови у неё белела свежая царапина.

— Опять кошка? — спросила Ника.

— Не переводи разговор.

— Значит, кошка.

Марта протянула руку. Ника отдала ей крюк.

Вдвоём они подняли крышку и сдвинули на камни. Из колодца вышел пар, густой, с металлическим привкусом. Ника отступила, прикрыв рот локтем.

Марта перестала хмуриться.

— Что в доме?

Ника рассказала. Марта слушала, глядя в колодец.

— Семь, — повторила она. — И ни одного клапана?

— На кухне заглушка. Её вырвет первой.

— Имена записала?

— Я чинить пришла.

Марта подняла на неё глаза.

— Мне нужны имена, чтобы люди потом не сказали, будто мы это поставили. Не всё на свете делается ради штрафа.

Ника отвела взгляд и достала складную рейку. На конце висела полоска белой ткани. Она опустила её в пар, подождала, вынула. Ткань намокла и свернулась.

— Пустой сброс, — сказала Марта. — Вода на дне. Не спускайся пока.

Они дождались, когда пар поредеет. Внизу проступили скобы, площадка и два маховика. У правого на оси болтался кусок верёвки.

Марта выругалась уже без всякого юмора.

Верёвкой притянули рычаг к скобе, удерживая его дальше разрешённой отметки. Обходной канал стоял открытым. Каждый толчок общей сети гнал воду в дом коротким ударом.

— За фонарём, — велела Марта. — У меня в сумке. И не тот, который гаснет, рабочий.

Ника спустилась первой. На площадке воды оказалось по щиколотку. Через подмётки сразу потянуло горячим. Она закрепила лампу на крюке и ощупала верёвку: пенька разбухла, узел затянуло так, что без ножа не взять.

— Не режь, — сказала сверху Марта. — Сначала ослабим напор. Левый на четверть.

Ника взялась за маховик обеими руками. Тот поддался рывком. За стеной что-то бухнуло.

— Ещё?

— Стой. Дай выровняться.

Вода лизнула край сапога. По поверхности расходились мелкие круги. Она переставила ногу на сухой выступ и вдруг ощутила сквозь перчатку, что металл под ладонью стал холодным.

Ещё мгновение назад маховик грел ладонь даже через перчатку.

— Марта?

Снизу, из толстой трубы, раздался щелчок.

Ника резко отдёрнула руку. В левой стенке колодца дрогнули крепления. Вода у ног качнулась и потянулась к решётке, хотя до этого поднималась.

— Наверх, — сказала Марта.

Ника нащупала скобу.

Труба ударила о держатель. По пальцам прошла дрожь, поднялась к локтю. И в этом грохоте кто-то произнёс:

— Хватит.

Низко, отчётливо, совсем рядом.

Ника обернулась так резко, что задела лампу плечом. Свет метнулся по мокрой кладке. За ней были решётка и чёрный шов между кирпичами.

— Вель!

Марта схватила её за запястье и дёрнула вверх. Ника вылезла, ободрав колено о край. Почти сразу внизу щёлкнуло ещё раз, и из бокового соединения хлестнула узкая струя.

Марта подхватила крышку и поставила ребром перед отверстием. Вода ударила в чугун.

— Назад все!

Ника только теперь заметила Рут и мужчину в жилете. Тот держал связку ключей, будто собирался предложить их трубе.

— В дом идите, — сказала Ника. Голос получился хриплым. — К уличной стене не подходите. И из подвала всех выведите.

— Что там?

— Идите!

Рут потащила мужчину за рукав.

Марта достала из сумки сигнальный свисток и дала три коротких гудка. На перекрёстке ответили. Ника поднялась, но правая нога подогнулась. Она села прямо на снег.

— Обожгло?

— Нет.

Марта уже разрезала штанину над сапогом. Кожа на голени покраснела; волдырей не было.

— Шевели пальцами.

Ника пошевелила. Вода хлюпнула внутри сапога.

— Кто там был? — спросила она.

— Где?

— В колодце. За стеной.

Марта посмотрела на отверстие, потом на неё.

— Там земля. До соседней галереи двадцать локтей, и та завалена.

Ника стянула перчатку. На ладони осталась красная дуга от маховика.

— Стук был, — сказала она.

— Я заметила.

Со стороны перекрёстка бежали двое из дневной бригады. Один нёс длинный ключ, второй — ящик с глиняными пробками. Марта поднялась им навстречу.

Ника сидела, прижав сумку к животу, пока рабочие перекрывали участок. Из-за крышки шёл пар. Торговец наконец высвободил колесо и увёз тележку, оставив в снегу одну раздавленную грушу. Собака вернулась за ней.

«Хватит». Теперь, когда грохот стих, Ника отчётливо вспомнила это слово. Оно прозвучало без эха, будто говоривший стоял у самого её уха.

Она засунула руку в рукав и сжала запястье. Пальцы плохо слушались.

Через несколько минут шум прекратился. Марта заглянула вниз, велела принести вторую лестницу, затем подошла к Нике.

— Можешь встать?

— Могу.

— Тогда вставай. Замёрзнешь.

В кухне Рут её посадили возле печи, в которой горели обрезки досок. Левый сапог снялся легко. Правый пришлось стягивать вдвоём. Хозяйка вынесла сухие чулки, слишком широкие, с заштопанными пятками.

— Мужнины, — сказала она. — Не смотри, чистые.

Ника поблагодарила. От печи пахло горелой краской. На полу лежала кукла с одной ногой; из соседней комнаты теперь не кашляли.

Марта вернулась с улицы и положила на стол отрезанный кусок верёвки.

— Кто делал, вспомните к утру. Рост, лицо, откуда пришёл. Мы проверим. Отвод снимем сейчас.

Рут прижала ладонь к груди.

— А отопление?

— Штатное вернём, когда починим ввод.

— По два часа?

Марта помолчала.

— По расписанию участка.

— У нас вторые сутки по расписанию ничего.

Ника натянула чулок, расправила складку на пальцах.

— Восьмой дом тоже холодный? — спросила она.

— У них с утра тёплые.

— А двенадцатый?

— Не знаю.

Марта стояла у выхода, не снимая рабочих рукавиц.

— Этот отвод должен был тянуть у восьмого. Они на одной ветке.

— Я проверю.

— И обратный ход…

— Я проверю, Вель.

Рут отвернулась к печи и подбросила ещё одну дощечку. Та была с петлёй: видно, раньше служила дверцей.

Ника полезла в сумку за новым кольцом. Оно лежало в бумажном свёртке, ещё сухом. Она положила его на стол.

— Ввод доделаю.

— Доделают без тебя, — сказала Марта. — Домой иди.

— Мы за работу… — начала Рут.

— За кольцо заплатите на складе. По квитанции, — ответила Марта и уже Нике: — Куртку застегни.

У дверей хозяйка сунула ей в карман бумажный кулёк. Ника попробовала вернуть, но Рут отступила за порог.

— Яблоки. Ты же за бельём приходила.

До прачечной было четыре улицы в гору. Ника пошла длинной дорогой: там не так скользко. В мокрых сапогах ступни быстро остыли, и на каждом углу хотелось зайти куда-нибудь погреться. Но за чай пришлось бы платить, а сидеть в лавке просто так ей не позволили бы.

У водоразборной колонки столпились женщины с вёдрами. Ника остановилась, пропуская мальчишку, который катил бочку на полозьях. Из крана шла тонкая струя; на каменном бортике лежал чей-то потерянный башмак.

Она прислушалась.

Вода звенела о жесть. Женщины спорили, кто за кем занимал. Мальчишка пыхтел над бочкой.

Ника пошла дальше.

Над переулком тянулась утеплённая труба. В одном месте войлок разошёлся, и на голом металле таял снег. Ника остановилась под ней, задрав голову. Пальцы сами потянулись к застёжке сумки.

Снег падал ей на лицо.

— Потом, — сказала она вслух.

У прачечной ещё светилось окно. Сквозь запотевшее стекло виднелись развешанные рубашки и Агатина спина. Над дверью качалась вывеска; нижняя цепь опять слетела с крюка.

Ника поднялась на ступеньку, поправила её и только тогда вошла.

— Сапоги, — сказала Агата, не оборачиваясь.

— Сниму.

— Сейчас. Ты мне весь пол…

Тётя оглянулась, увидела разрезанную штанину и положила сложенное полотенце на стол.

— Что случилось?

— В колодце вода.

— Какая?

— Мокрая. Агат, со мной всё хорошо.

Из-за сушильной рамы высунулся Тим.

— Тебя ошпарило?

— Нет.

— А почему хромаешь?

— Коленом ударилась.

Он приблизился, заглядывая ей в лицо. На щеке у него чернела полоска сажи.

— Что ты делал? — спросила Ника.

Тим потёр щёку, размазав полосу.

— Ничего.

Агата принесла табурет.

— Сядь. Тим, чайник снимай. И принеси сухое из верхнего ящика.

Ника опустилась на табурет. Отогревшиеся ступни заныли. Она вытащила из кармана яблоки, положила на край стола. Кулёк промок снизу; одно яблочное колечко прилипло к бумаге.

Тим поставил перед ней чашку. Ника обхватила её ладонями.

В стене за печью щёлкнула труба.

Она подняла голову, расплескав чай.

— Ты чего? — спросил брат.

— Тихо.

Агата замерла с полотенцем в руках. Тим посмотрел на неё, потом снова на Нику.

Из печи выпал уголёк. Где-то наверху передвинули стул.

— Там стучит, — сказала Ника.

Агата медленно повесила полотенце на спинку.

— Подачу дали.

Ника подождала ещё. Потом придвинула к себе чашку и вытерла рукавом чай, расплескавшийся на стол, прежде чем тётя успела принести тряпку.

Глава 2. Холодная вода

Простыня, которую Ника принесла накануне, за ночь так и не высохла.

Агата сняла её с рамы, сжала в кулаке, снова расправила. Потом принесла к печи. Ника следила за ней из-за стола, пока тётя выбирала место среди двух детских рубашек, полотенец и собственных чулок.

— Утюгом пройду, — сказала Агата.

— Дыры будут.

— Не будут, если ты перестанешь меня отвлекать.

Ника откусила хлеб. Корка оцарапала нёбо. За ночь она просыпалась три раза: сначала от боли в колене, потом от холода, а под утро ей приснилось, что кто-то просит выпустить его из сушильного шкафа. Там у Агаты хранились простыни для постоялого двора. Во сне Ника никак не могла найти ключ, хотя он висел у неё на шее, тяжёлый и горячий.

Сейчас на шее ничего не было. Она провела ладонью по вороту и потянулась за кружкой.

Тим сидел напротив в пальто. Ел быстро, придерживая локтем левый карман.

— Высыпь, — сказала Ника.

— Что?

— Крошки потом сам будешь выбирать.

Он убрал локоть. Под тканью звякнуло.

Агата оглянулась, но в дверь уже стучали. Она поставила утюг на подставку и пошла открывать.

Пришла хозяйка постоялого двора. Протиснулась в прачечную боком, не сняв с плеч меховую накидку. По пути провела пальцем по влажной простыне.

— Мне через час застилать.

— Через два заберёте, — ответила Агата.

— Вчера вы тоже сказали «через два».

— Вчера вечером нам дали тепло на четверть часа.

— Мои гости в этом не виноваты.

Ника поставила кружку. Тим едва заметно пнул её под столом носком. Он-то знал, что сейчас будет.

Агата уже доставала с полки тетрадь.

— За вчерашнюю партию можете не платить. Сегодняшнюю закончу к одиннадцати. Если не успею, верну задаток.

Женщина раскрыла рот, закрыла, потом потребовала расписку.

Пока они считали, Тим сунул оставшийся хлеб в рот, встал и направился к лестнице. Ника поймала его за полу.

— Я ещё не закончила.

Он сердито посмотрел на её руку.

— Мне надо.

— Куда?

— Наверх.

— Сядь.

— Не командуй.

Ника отпустила пальто. Тим остался стоять, будто теперь уходить было нельзя.

За прилавком Агата отсчитывала монеты на случай возврата. Три серебряных, мелочь. Одну монету она покрутила, проверяя стёртый край, и положила отдельно. Хозяйка постоялого двора наблюдала за её пальцами.

Ника подвинула брату стул ногой.

Он сел.

Когда посетительница наконец ушла, Агата некоторое время стояла у двери, глядя на улицу. Потом заперла засов и вернулась к утюгу.

— Сколько у нас угля? — спросила Ника.

— До вечера.

— В подполе мешок.

— Там крошка. Ею печь забьёт.

— Я просею.

— Тебе на склад.

До начала смены оставалось немного. Просеять уголь — десять минут, донести до печи — две. Только бы не поскользнуться на лестнице, как вчера.

Она подвинула стул и встала. Пришлось сперва разогнуть правую ногу, потом опереться. Агата увидела и ничего не сказала. Только отдала ей пустое ведро.

В подполе Ника наткнулась на два таза с водой. Убрала их с прохода и нащупала мешок. Крупных кусков в нём осталось с горсть. Всё остальное рассыпалось чёрной пылью.

Тим спустился следом. Принёс старое сито из прачечной, без просьбы придержал его над ведром.

Некоторое время они работали молча. Пыль оседала на рукавах и забивалась под ногти.

— Не тряси так, — сказала Ника. — В глаза летит.

Он снизил сито.

— Тебе сегодня куда?

— Пока на склад.

— А потом?

— Куда Марта пошлёт.

— К Рут не пойдёшь?

Ника остановилась.

— Ты откуда знаешь про Рут?

— Вчера слышал.

— Я дома имени не называла.

Тим постучал ладонью по ободу. Чёрная крошка посыпалась в ведро.

— Ты спал, когда я пришла? — спросила Ника.

— Нет.

— Тогда откуда?

— На складе был. Днём. Сказали, ты у Рут.

Она убрала мешок с колена.

— Зачем ты ходил на склад?

— За припоем.

— Для чего?

— Мне нужен был.

Наверху Агата передвинула раму. С потолочной балки сорвалось несколько пылинок. Тим отступил к лестнице, оставив сито над ведром.

— Покажи карман, — сказала Ника.

Он вытащил оттуда горсть мелких деталей: винт, медное колечко, тонкую пластину и стеклянный диск с отверстием посередине. На диске белела свежая царапина.

Ника узнала его раньше, чем брат успел раскрыть ладонь.

— Ты взял мамин прибор.

— Он всё равно не работал.

— Ты его разобрал?

— Я могу собрать.

Она ссыпала уголь в ведро мимо сита. Несколько крупных кусков упали на пол.

— Где он?

Тим сунул детали обратно.

— Наверху.

Ника поднялась первой. На третьей ступеньке боль прострелила колено, и пришлось остановиться. Брат едва не врезался ей в спину.

— Давай принесу, — сказал он.

— Само собой, принесёшь.

— Не надо было вчера лезть в колодец.

Она обернулась. Тим смотрел снизу, задрав подбородок. На рукаве у него чернели полосы от угольной пыли: Тим успел вытереться о ткань, пока придерживал сито.

— Иди, — сказала Ника.

Он протиснулся мимо.

Наверху, в прачечной, Агата поставила ведро к печи. Никто не объяснил ей, почему они поднялись с половиной угля. Она посмотрела на лестницу, на Нику, затем достала из ящика чистую тряпку.

— Руки вытри. Не о стол.

Прибор Тим принёс в коробке из-под пуговиц.

Когда Ника видела его в последний раз, он был похож на плоские карманные часы без цепочки: латунный корпус, узкое окошко, деления на ободе. Мама прикладывала его к трубам и ждала, пока перестанет двигаться стрелка. Иногда ругалась. В детстве Ника считала, что стрелка просто вредная.

Теперь всё лежало отдельно. Корпус, крышка, пружинка, керамическая вставка, два крошечных крепления. Стрелку Тим воткнул в кусок пробки.

Ника пересчитала детали. Не знала, сколько их должно быть, но всё равно пересчитала.

— Тот винт не отсюда, — сказал брат. — Он мой.

Ника отложила крышку прибора. Тим сразу придвинул к себе коробку с винтами.

— Стрелка не двигалась. Я думал, пружина слетела. А там засохло всё. Я почистил.

— Чем?

— Спиртом. Чуть-чуть.

Агата подошла к столу и взяла крышку.

— Где лежал?

— В мамином ящике, — ответила Ника вместо Тима.

— Я его не ломал.

Тётя перевернула крышку внутренней стороной вверх. Провела большим пальцем по краю.

— Это вымоется? — спросил Тим и показал на тёмный след у окошка.

— Не трогай, — сказала Агата.

Сказала резко. Он отдёрнул руку.

Ника взяла крышку у неё. На внутренней стороне виднелись мелкие буквы, раньше скрытые налётом. Она поднесла их к окну.

«СВ. 4. НИЖ. ВОЗВРАТ».

Ниже было ещё что-то, почти стёртое. Рядом с надписью стояло клеймо: три зубца над кругом.

— Это замковое? — спросил Тим.

Ника повернула крышку. Такое клеймо ставили на детали, которые нельзя было продавать без списания. На складе замковые заказы хранили отдельно. Она видела ящики, пломбы и однажды мастера, которого заставили вывернуть карманы из-за пропавшей шайбы.

— Мама оттуда принесла, — сказала Агата. — Рабочий инструмент.

— Ты говорила, её.

— Ей выдали.

Ника провела ногтем вдоль надписи.

— Почему не забрали?

— Что?

— После. Когда пришли за вещами. Ключи забрали, записи забрали. Это оставили.

За окном кто-то поскользнулся и ударил ладонью в ставню. Все трое повернулись на звук. Прохожий выругался, пошёл дальше.

Агата вернулась к столу с бельём.

— Он у меня в шитье лежал. Я туда положила, чтобы вы не играли. Потом забыла.

Ника вспомнила тот день кусками: чужие сапоги в коридоре, открытый мамин ящик, Тима, которого всё время уводили в кухню. Ему тогда было шесть. Он кричал, что у него забрали карандаш, хотя карандаш валялся под столом. Один из пришедших предложил Нике помочь составить список. Она согласилась и записывала названия предметов с такой тщательностью, будто от этого зависело, вернутся ли они домой.

— Нельзя было спрашивать? — сказала она.

— Я спрашивала.

— Про прибор.

Агата посмотрела на неё.

— Про твою мать я спрашивала.

Утюг тихо скребнул по подставке. Ника опустила крышку в коробку.

— Я ничего не выбросил, — сказал Тим.

Она достала из его кармана стеклянный диск, завернула в тряпку отдельно от остальных деталей.

— Увидим, когда соберём.

— Я могу сам.

— Вечером вместе.

Тим помедлил и выложил возле коробки ещё одну шайбу.

На склад Ника пришла последней.

Марта сидела за конторкой, придавив локтем карту. Перед ней остывала каша, в которой торчала ложка. При виде Ники она выдвинула ногой табурет.

— Садись.

— Я могу работать.

— Рада за тебя. Садись и пиши.

На свободном краю лежал чистый бланк происшествия. Ника стянула перчатки.

— Мне к полудню сдавать, — сказала Марта. — Только что было. Что видела, что трогала. Если не помнишь, оставляй пустое.

Ника взяла перо. В графе «Причина» уже значилось: «Самовольное изменение отвода».

Она перечитала строку.

— До ремонта соседние дома проверяли?

— Проверяли.

— И?

— Тепло было.

— Тогда наш отвод…

— Про отвод ты права. А причину обратного хода смотрят на распределителе. Я написала отдельно.

Марта вытащила из-под карты второй лист и положила перед ней. Там её собственным неровным почерком были отмечены время, положение рычагов и внезапное падение напора.

Ника прочла дважды.

— Я думала, ты всё на них спишешь.

— Заметно.

Марта придвинула к себе кашу. Попробовала, поморщилась и отставила.

— У Рут внучку в лечебницу забрали. Через соседей передали. Там тепло, лекарь посмотрит.

— А отвод?

— Сняли. Мужчина вспомнил, кто делал. Сейчас он нам новый ввод за свой счёт ставит.

— Мужчина?

— Мастер. Двенадцать серебряных ему очень память поправили.

Ника склонилась над бланком. Писать пером в холоде было трудно: кончик цеплялся за бумагу. Она описала верёвку, маховик, удар трубы. Дошла до строки с показаниями измерителя и оставила её пустой. На том выезде прибора у неё не было.

В конце осталось свободное место.

«Посторонний звук», — написала Ника. Потом зачеркнула. Ниже вывела: «Перед разрывом соединения — два щелчка».

Марта забрала лист, пробежала глазами.

— Где лампу оставила?

— Внизу.

— Забрали. Стекло треснуло, но работает. Отнесёшь сегодня Ремму, пусть поменяет. Потом переберёшь накладки. На улицу не пошлю.

— У нас дома тепло не дали.

— По всему Прачечному переулку. Записано.

— Агате надо бельё сушить.

— Знаю, Ника.

Она редко называла её по имени на работе. Ника отпустила край конторки.

— Можно карту посмотреть?

Марта повернула лист. Цветные линии расходились от площади: главные каналы, ответвления, сбросы. Старые участки были заштрихованы. Ника нашла свой переулок, прикинула путь до замка.

— Нижний возврат где проходит?

— Какой?

— Замковый. Четвёртый.

Марта перестала водить пальцем по схеме.

— Откуда взяла?

— На детали видела.

— На какой?

— На крышке.

Марта ждала. Пришлось добавить:

— Мамин измеритель. Тим разобрал.

— Руки у него чешутся, — сказала Марта, но карту придвинула к себе. — Такого участка у нас нет. Замок считает по-своему. Могли переименовать после перестройки.

— А старая схема?

— В описи спроси. Только сегодня туда не ходи.

Она постучала пальцем по стопке бумаг у стены.

— Инспекция с утра. Всё будут поднимать: расход, возврат, аварии за месяц. Я до ночи здесь просижу, и ты, если будешь мешать, со мной.

Ника отодвинула табурет.

Уже возле двери Марта окликнула её:

— Измеритель принеси. Если вставка цела, можно восстановить.

Ника отнесла повреждённую лампу Ремму, перебрала накладки, потом ещё два часа счищала старый припой с креплений. В мастерской было холодно, но можно было работать сидя. К полудню колено перестало ныть; зато чулок прилип к ссадине, и Ника старалась не сгибать ногу лишний раз.

Марта отпустила её раньше остальных. Велела купить мазь, а сдачу не возвращать, чем испортила Нике возможность отказаться.

В аптечной лавке пахло сушёной мятой. Лея, услышав дверной колокольчик, выглянула из-за шкафа с банками.

— Стоять. У тебя лицо виноватое.

— У меня всегда такое.

— Когда деньги должна, другое.

Она принесла жестяную коробочку и кивнула на табурет.

Ника рассказала про колено. Про колодец — в общих чертах. Лея присела, осмотрела ссадину, велела вечером отмочить ткань, прежде чем снимать чулок. Заодно спросила, почему Ника вчера не пришла.

Ника замолчала.

На полке за Леей стояли две кружки. Та, из которой обычно пила Ника, была перевёрнута.

— Забыла, — сказала она.

— Я догадалась. Уже после того, как на лестнице час проторчала.

— Зачем на лестнице?

— Потому что дверь заперли, Ника. Лавка закрылась.

Из дальней комнаты позвали за порошками. Лея ответила, что сейчас, и поднялась.

— Я бы тебя ждать не стала, — сказала Ника.

— Вот за это я тебя особенно люблю.

Лея завернула мазь в бумагу. Ника положила деньги на прилавок.

— Завтра приду, — сказала она.

— Завтра я до ночи. У нас поставка.

— Тогда поем с тобой здесь. Принесу что-нибудь.

— Что-нибудь съедобное.

Ника подняла палец, соглашаясь, и отступила к двери, чтобы пропустить покупателя.

Когда она вернулась домой, простыни на рамах уже не было. Агата принесла из кухни тарелку супа и поставила перед ней вместе с хлебом.

— Забрали? — спросила Ника.

— Забрали.

— Высохла?

— Она её щупала столько, что могла сама высушить.

Тётя села напротив. На тыльной стороне её ладони краснел след от утюга. Ника придвинула к ней мазь.

— Мне не надо.

— Мне тоже, но деньги уже отдали.

Агата открыла коробочку, понюхала.

— Дорогое.

— Марта дала.

Тётя закрыла крышку и поставила между ними.

Тим ждал наверху. Расчистил половину стола, натянул над ним лампу на шнурке. Рядом с коробкой лежала тетрадь, в которой он нарисовал разобранный прибор. Детали были пронумерованы. Винт, оказавшийся не отсюда, красовался в отдельном кружке с подписью «мой».

Ника сняла куртку и села.

— Марта говорит, вставку надо проверить.

— Я проверил. Не треснута.

— Проверим ещё раз.

Они разложили всё на чистой тряпке. Стекло действительно уцелело; царапина шла только по краю. Корпус закрывался неплотно. Тим слишком сильно отогнул один из усиков, и теперь Ника выправляла его тонкими щипцами.

Брат держал лампу. Когда её пальцы дрогнули, подвинул свет ближе.

— На колодце страшно было? — спросил он.

— Когда вылезла.

— А пока внизу?

— Некогда.

Он кивнул, будто именно это хотел услышать.

— Всё равно без меня не разбирай больше, — сказала она. — Если мелочь потеряешь, заменить нечем.

— Я же не потерял.

Ника указала щипцами на пол. Тим слез со стула и принялся искать шайбу.

Крышку они установили последней. Перед тем как закрыть её, Ника переписала клеймо и надпись в свою рабочую книжку. Между заказом Рут и перечнем накладок появилась короткая строка: «СВ. 4. Ниж. возврат».

Потом прибор отнесли к трубе у сушильного шкафа. Стрелка медленно поползла вправо, дошла до первого деления и там остановилась. Ника выждала. Приложила корпус плотнее.

— Работает? — спросил Тим.

— Пока непонятно.

Снизу позвала Агата: пора греть воду для ноги. Ника сняла измеритель с трубы.

Стрелка дрогнула, перескочила через середину и ударилась в левый упор. Сухо, еле слышно.

Тим протянул руку.

— Дай. Я, наверное, пружину…

Ника вернула прибор на трубу. Стрелка снова поползла вправо, медленно, как прежде. Она подождала и убрала.

На этот раз та осталась у первого деления.

— Что? — спросил брат.

Ника повернула корпус окошком к лампе. Под стеклом стрелка стояла ровно.

— Завтра Марте покажу.

Она отцепила от пояса пустой кожаный чехол, в котором раньше носила складную линейку. Измеритель вошёл в него почти без зазора.

Тим потянулся за оставшимся винтом. Ника накрыла его ладонью.

— Этот забери. Чтобы я завтра мастеру чужое не отдала.

Он спрятал винт, погасил лампу и первым пошёл вниз. Ника задержалась у стола: на листе с рисунком прибора недоставало двух номеров. Она дописала их по памяти, убрала щипцы и положила чехол в сумку, поверх сухих перчаток.

Глава 3. Проверка

У склада стояли две лошади. Одна жевала край попоны, другая пыталась дотянуться до мешка с ветошью, привязанного к перилам. Ника отодвинула мешок. Конюх проснулся на бочке и сердито посмотрел на неё, словно ветошь предназначалась лошади.

— Куда?

Она показала сумку.

— Работать.

Он пропустил её, не заинтересовавшись ни именем, ни содержимым. Зато внутри двери все ящики были открыты.

Ремм стоял возле своего верстака и наблюдал, как незнакомый человек в сером перебирает накладки. Каждую тот прикладывал к маленькой таблице, а потом складывал обратно — выпуклой стороной вниз. Ремм молча переворачивал следом.

— Вель, — позвала Марта.

За конторкой, кроме неё, сидели ещё двое. Пожилой писарь держал раскрытой книгу расхода. Молодой мужчина в тёмном дорожном пальто читал вчерашний отчёт. Ника сначала увидела испачканную манжету, потом серебряную застёжку у горла. Такую носили хранители: разомкнутый круг с короткой чертой внутри.

Пальто было мокрым у подола. На правом сапоге засохла светлая глина — здесь, в нижнем городе, земля была почти чёрной.

Ника поставила сумку у стены.

— Это вы были в колодце? — спросил он.

— Мне нужно уточнить время.

Голос оказался моложе, чем она ожидала. Самому ему едва ли было двадцать. Тёмные волосы убраны со лба, под глазами тени; у виска прилипла снежинка, которую он не замечал.

— В отчёте написано.

— Здесь промежуток в двадцать минут.

— Часов внизу нет.

Он поднял взгляд.

Марта передвинула Нике табурет. Тот самый, вчерашний. Ника не села.

— Между первым ударом и разрывом сколько прошло? — спросил молодой хранитель.

— Смотря какой удар считать первым. Там до нас стучало.

— После поворота маховика.

Она представила площадку, лампу на крюке, свои руки. Пока вспоминала, он ждал, не предлагая ответа.

— Меньше минуты. Два раза успели сказать друг другу. Я ещё посмотрела вниз.

— Вода поднималась?

— Сначала. Потом ушла к решётке.

Он повернул отчёт и что-то отметил на полях. Писарь потянулся заглянуть, но Марта положила между ними книгу.

— Вы с распределителя? — спросила Ника.

— Оттуда.

— Что нашли?

— Падение на возврате. Проверяем, где началось.

— Значит, дело не только в отводе.

Писарь поднял голову.

— Самовольное вмешательство в сеть установлено, — произнёс он. — По данному адресу взыскание…

— Я про обратный ход.

— Вель, — негромко сказала Марта.

Молодой мужчина закрыл чернильницу, которую писарь чуть не задел рукавом.

— Домовой отвод не объясняет провал на главном канале, — сказал он. — Но его состояние увеличило ущерб. Нужны обе записи.

Писарь поджал губы и вернулся к книге.

Ника села. Правое колено всё ещё мешало стоять долго. Молодой хранитель заметил движение, однако спрашивать не стал.

Марта вытащила из стопки карту.

— Нижний ряд. Четыре жалобы за ночь. В Прачечном переулке второй день перебои. Мы проверили местные заслонки, там порядок.

— Участок включён в замеры, — ответил он.

— Когда вернут тепло? — спросила Ника.

— После проверки.

— Это сегодня или через неделю?

— Если обойдёмся без замены узла — сегодня.

— А если нет?

Он посмотрел ей в лицо. Глаза были серые, при свете окна почти бесцветные.

— Тогда понадобится замена.

Ника подцепила ногтем засохшую краску на табурете.

— Хорошо вам отвечать.

— Вель, хватит, — сказала Марта. — Адрес записан, проверка назначена. Я от тебя этого же добивалась третьего дня, когда ты обещала зайти к сапожнику «скоро».

Ремм за верстаком кашлянул. Писарь сделал вид, что ничего не слышал.

Молодой хранитель вернул Марте отчёт.

— Вы идёте с нами на малый распределитель?

— Да. Ремм здесь закончит. Вель, остаёшься на складе.

Ника достала чехол.

— Прибор принесла.

Марта протянула руку. Хранитель уже поднялся, но задержался возле конторки.

На свету измеритель выглядел хуже, чем дома: потемневшая латунь, неровно севшее стекло, следы щипцов. Марта повернула его, проверила крепление крышки.

— Запаяли?

— Нет. Только усик выровняла.

— Хорошо, что не запаяли. Ремм, посмотришь вставку?

Тот вытер руки и подошёл. Хранитель протянул ладонь:

— Можно?

Ника взяла прибор у Марты и отдала ему сама.

Он не стал открывать корпус. Сначала посмотрел деления, потом провёл пальцем по ребру. На внутренней стороне запястья, между перчаткой и манжетой, белел тонкий старый шрам.

— Откуда он у вас?

— От матери.

— Её имя?

— А вам зачем?

Марта убрала руку с карты.

Он заметил это и вернул прибор.

— Старые возвратные измерители снимали с учёта. Ищу исправный для сравнения. Если известно, на каком участке работал, можно проверить по журналам.

— На крышке написано, — сказала Ника.

— Сейчас вскрывать не надо, — вмешался Ремм. — Здесь керамика. Если она с трещиной, стрелка что угодно покажет. Сначала на стенд.

Ника отдала ему измеритель, хотя забирать его домой ей вдруг захотелось сильнее, чем утром.

Хранитель застегнул пальто.

— Дамиан Рейн, — сказал он ей. — Если будут спрашивать, кто интересовался.

Писарь поспешно собрал бумаги.

Рейн.

На застёжке был знакомый знак. В детстве Ника видела такой на людях, которые пришли за маминими вещами. Только у старшего круг был золотой.

Дамиан пропустил Марту к двери. Ника подняла свою сумку.

— Я с вами.

— Я что сказала? — спросила Марта.

— На складе сидеть. Только у вас ключа от боковой нет.

Она вытащила длинный ключ с квадратной головкой. Вчера его положили к накладкам, и Ника, перебирая инструмент, забрала к себе.

Марта протянула руку.

Ника отдала ключ.

— И колено уже лучше, — добавила она.

— Вот завтра и проверим.

Дверь закрылась. Ремм положил измеритель на мягкую подкладку.

— Ну, хватило знакомства?

— Я с ним знакомиться не собиралась.

— Заметно было.

Ника взяла коробку накладок и уселась у печи. До обеда ей предстояло сверить размеры с описью. У каждой пятой оказывалась неверная бирка — проверяющий свалил их в общую кучу.

Ремм снял крышку с прибора, долго смотрел через увеличительное стекло, потом позвал её.

— Сама ставила?

— С братом.

— Криво.

— Зато ничего не потеряли.

— Пружину пережали. Потому и заедает.

Он поправил её тонким стержнем и закрепил измеритель на медном цилиндре. Внутри цилиндра горел маленький масляный фитиль. Ремм прикрыл стеклянный кожух. Стрелка сдвинулась.

Они подождали. Старик добавил огня, приложил к цилиндру второй прибор — свой, с треснутой деревянной ручкой.

— Оба нагреваются, — сказала Ника.

— Один тепло показывает. Твой ещё его ход ловит. В рабочих магистралях это важнее.

Он повернул цилиндр боком, открывая ребристую медную полоску, уходившую в чашку с водой. Стрелка маминого измерителя отклонилась сильнее.

— А влево если?

— Значит, обратно пошло. Или прибор испорчен.

— У нас на трубе вчера прыгнула. Когда сняла.

Ремм протянул ей корпус.

— Попробуй.

Ника приложила его к цилиндру. Тот был горячим; она перехватила основание через тряпку.

Стрелка двигалась ровно.

Сняла. Подождала. Снова приложила.

— Нет, — сказала она.

— Здесь и нет, — ответил Ремм. — У меня ничего обратно не идёт.

Он погасил фитиль, проверил окошко и завернул прибор в чистую бумагу.

— За работу сколько?

— За работу — не ковырять больше отвёрткой, которая толще винта. Скажешь брату.

К двум вернулась Марта. На конторку легли новые бумаги; с пальто на пол натекла вода.

— Сняли подачу? — спросила Ника.

— На час. Будем выход мерить.

— Кому?

— Нашим трём улицам. Иди ешь, пока котёл тёплый.

Но поесть не получилось. Из конторы вышел Дамиан, держа в руках небольшую дощечку с таблицей.

— У вас крайняя отметка расхода в шесть, — сказал он Марте. — На распределителе записано в семь.

— В шесть у меня люди сменились. Который мерил — ушёл.

Ника подошла к столу.

— Ран ушёл в семь. На листке приёмки накладок его подпись и время стоят.

Марта нахмурилась.

— Так он с ночи был.

— Поэтому и не в шесть. Бор его позже сменил.

Дамиан опустил дощечку. Ника потянула за угол бумаги.

— Можно?

Он развернул таблицу к ней.

Цифры были выписаны аккуратно, через равные промежутки. Замер на распределителе сравнили с шестичасовым расходом на улицах. По такому расчёту недостача получалась почти вдвое меньше.

— Вы с разных часов взяли.

— Здесь смена обозначена.

— Смена. А не показание. Мы расход пишем рядом с буквой. Вот, в семь.

Она показала карандашную помету в нижней части листа. Дамиан подвинул к себе счётную рамку и передвинул несколько костяшек.

Марта позвала писаря.

Тот пришёл неохотно, со следами обеда в бороде. Выслушал, наклонился над таблицей.

— Неразборчивая запись. Установлен единый порядок…

— Исправьте время, — сказал Дамиан. — Здесь, в сводной и в копии для управления.

— Сначала нужно подтверждение от мастера.

Марта положила ладонь на книгу.

— Подтверждаю.

Писарь поджал губы, потянул бумаги к себе.

Дамиан ещё раз пересчитал.

— До Прачечного дойдём сейчас, — сказал он.

Ника застегнула сумку, не дожидаясь Марты.

На этот раз та только сунула ей свёрток с хлебом.

Они пошли пешком. Писарь остался на складе; с Дамианом отправился молчаливый мастер, которого Ника ещё утром приняла за караульного. Он нёс плоский ящик с металлическими гнёздами. Лошадей оставили на складе.

Возле водоразборной колонки Дамиан остановился, сверил номер с картой. Ника отошла к стене и съела половину хлеба, пока остальные смотрели главный ввод.

— Дальше сами, — сказал мастер, опустившись к люку. — Я нижнюю возьму.

Ника придержала крышку. Дамиан достал из ящика два кольца с тонкими медными лепестками.

— Это сюда? — спросила она.

— На обратную.

— На углу удобнее.

— Нужен прямой участок.

Она указала на участок трубы за колонкой. Там труба шла вдоль ограды и только потом уходила под землю. Дамиан проследил направление трубы и отступил, освобождая ей проход.

Они сняли кожух, отогнули войлок. Ника придерживала края, пока Дамиан устанавливал кольцо. С мелкими застёжками он возился дольше обычного: левую перчатку не снимал, а сквозь неё металл выскальзывал из пальцев.

— Подержу, — сказала Ника.

Он передал ей верхнюю часть.

Металл оказался горячее, чем она ожидала от почти холодной домовой сети. Тепло шло от узкого лепестка, прижатого к трубе. Дамиан вытащил из кармана тканевую накладку.

— Через это.

— Держу уже.

Он поднял на неё глаза.

Ника слышала, как мастер в колодце двигает ключом. С улицы доносились голоса. Под пальцами что-то пульсировало, негромко, как стук в соседней комнате.

— Отпустите, — сказал Дамиан.

Она убрала руку. Он быстро закрепил кольцо, положил рядом плоскую пластину и подождал, пока на ней проступят тёмные полосы.

— Руку покажите.

— Зачем?

— Там нагрев.

Ника разжала пальцы. На подушечках остались вмятины. Дамиан заметил следы на её пальцах, но не потянулся к руке. Вместо этого надел свою накладку на свободную застёжку.

— Больше голой рукой не берите.

— Я поняла.

Марта стояла у другого конца трубы. Ей пришлось окликнуть их дважды.

За оградой медленно поднялась стрелка местного счётчика. В домах напротив открылись две форточки. Люди высунулись, спрашивая, надолго ли дали.

Дамиан снял показания и нахмурился.

— Ещё раз, — сказал он мастеру внизу.

Тот повернул ключ. Труба дрогнула. Полосы на пластине сдвинулись ближе друг к другу.

Марта подошла.

— До домов не доходит?

— Возврат тянет раньше, чем должно. Потеря между этим узлом и нижним.

— Заслонку проверяли.

— Проверим под нагрузкой. Сначала снимем весь ход.

Он вытащил часы. На открытой крышке Ника заметила царапины, глубокие, до металла.

— До вечера будете? — спросила она.

— Дольше. Полный цикл до одиннадцати.

Марта негромко выругалась.

Из двери прачечной вышла Агата. Фартук не сняла, только накинула платок. Посмотрела на кольца, на Марту, на Дамиана. На Нике её взгляд задержался последним.

— Нам работать можно?

— Пока да, — ответила Марта. — Если понадобится перекрыть, я пришлю человека.

Дамиан спросил номер дома и часы последней подачи. Агата отвечала, держа руку на калитке. Когда он наклонился к карте, она перевела взгляд на Никину сумку.

Ника чуть покачала головой.

Дома она не осталась. Отнесла на склад ключи, забрала заработанное за прошлую неделю, потом купила в пекарне два пирога с капустой. На мясные денег тоже хватало, но тогда пришлось бы выбирать между обедом с Леей и углём.

Перед аптекой она постояла, согревая пальцы о бумажный свёрток. Колено устало. На рукаве возле кисти всё ещё виднелась полоска ржавчины с ограды.

За прилавком Лея принимала тяжёлый ящик. Волосы выбились из косы и лезли ей в рот.

Ника поставила пироги подальше от весов, подхватила другой край.

— Куда?

— На пол. Только не наклоняй, там пузырьки.

Они опустили ящик. Лея откинула волосы и посмотрела на свёрток.

— Съедобное?

— Пока горячее.

— Тогда дверь закрой. Меня на сегодня хватит.

Глава 4. Ночной выброс

К десяти часам они разобрали только половину поставки.

Пироги съели давно. На краю стола остались жирная бумага и две капустные полоски, которые Лея несколько раз пыталась стряхнуть вместе с обрывками упаковочной нитки. В лавке погасили верхнюю лампу. Свет горел лишь в задней комнате, между мешками с кореньями и полкой для чистой посуды.

Ника сидела на табурете, наклеивая ярлыки на пузырьки. Лея диктовала названия и проверяла пробки. Хозяин лавки ушёл к больному на соседнюю улицу, обещав вернуться через час. Прошло почти два.

— Вот это у него всегда «через час», — сказала Лея. — Я могла бы ночью подушку пришить к столу. Даже домой ходить не надо.

— Пришей. Агата постирает.

Лея проверила следующий пузырёк.

— Я письмо получила.

— Откуда?

— Из Лирна. Из лекарского дома.

Лея вытащила из тетради сложенный лист. На обратной стороне стояла синяя печать. Бумага успела протереться на сгибах.

— Берут?

— На испытание. Весной. Если дорога откроется вовремя и если я доеду.

Ника прочла первые строки. Ниже были перечислены деньги за проживание, срок прибытия и вещи, которые следовало иметь при себе.

— Много, — сказала она.

— Знаю.

— А он что?

Лея кивнула на дверь хозяина.

— Ещё не сказала. Сначала надо решить, сколько просить за эти годы. Он обещал добавить, если останусь до весны.

Ника перечитала дату.

— Ты поэтому вчера меня ждала?

Лея взяла у неё лист и разгладила на колене.

— Я хотела с кем-нибудь порадоваться. Потом по дороге домой сама справилась.

— Ле…

— Да ладно. Ты пришла. Вот, читай про нижние пробки. А то я их с верхними перепутала.

Ника взяла следующий пузырёк.

За дверью лавки звякнул колокольчик.

Они переглянулись: Лея точно запирала вход. В передней кто-то тяжело задышал и позвал хозяина.

— Открыто было, — сказал мужчина, когда Лея вышла. — Учитель здесь?

Ника узнала подмастерье с малого распределителя. Он держал шапку под мышкой, словно забежал на минуту, но вода с него текла на пол.

— На вызове. Что случилось?

— К нам пусть идёт. В галерее обожгло человека. Носилки несут.

Лея убрала письмо за пазуху.

— Сильно?

— Я не видел. Велели привести лекаря.

Она потянулась к верхней полке за походной сумкой.

— Ника, жди учителя. Скажешь — на распределитель. Повязки тут, горячая вода в котле. Если принесут сюда, сначала внутрь, потом вопросы.

Подмастерье уже открыл дверь. Из переулка донёсся свист, длинный, прерывистый. Через несколько мгновений ему ответили дальше по улице.

— Там люди ещё есть? — спросила Ника.

— Мастер и Рейн внизу. Марта у ворот. Я только что оттуда.

Лея просунула руку в ремень сумки.

— Тебе здесь надо остаться.

— Я знаю.

Они ушли. Ника заперла задний шкаф с лекарствами, как её учили, перенесла на прилавок чистые полотенца. Убрала со стульев ящики.

В окне напротив двигались огни. Люди открывали ставни, спрашивали друг друга, где авария. Ника вышла на порог. Со стороны распределителя вдоль мостовой тянулся пар. В свете фонаря он казался белой полосой, но быстро таял у земли.

Она вернулась к котлу.

Когда хозяин лавки пришёл, у него на плече спал маленький мальчик. За ним вошла женщина с узлом одежды. Лекарь опустил ребёнка на освобождённую кушетку.

— От печи угорел, — сказал он. — Лея где?

Ника объяснила.

Он посмотрел на подготовленные полотенца и кивнул.

— Тогда беги туда. Скажи, я через минуту. Подожди…

Он сунул ей в руки свёрток с широкими бинтами.

— Это отдай. В сумке мало осталось.

Ника надела куртку и вышла.

До распределителя было пять домов. Колено не позволяло бежать, да и мостовая блестела льдом. Возле ворот собрались жильцы, двое караульных оттесняли их от вытекающей воды. Ника показала свёрток, и её пропустили.

Марта стояла у открытого сарая. На щеке у неё расплылось чёрное пятно. Лея, опустившись на колени, разрезала рукав лежавшему на двери человеку. Ника узнала мастера с плоским ящиком. Тот придерживал здоровой рукой края двери, хотя её давно положили на землю.

— Учитель идёт, — сказала Ника.

Лея взяла бинты, не поднимая головы.

Марта повернулась.

— Ты чего здесь?

— Из аптеки.

— Назад иди. Через Верхний, на этой улице сейчас воду пустим.

За сараем ударил металл. Один раз, потом ещё. Из люка поднялась новая порция пара.

Марта схватила с ящика рукавицы.

— Клим! — крикнула она в люк. — На выход!

Ника подошла ближе, оставаясь за столбиком ограждения.

Внизу кто-то ответил, но слов не было слышно. У края люка лежала вырванная скоба. На ней висел обрывок страховочного ремня.

— Трое под нижней, — сказал подошедший рабочий. — Дверь перекосило. Рейн держит главную. Если отпустит, туда всё пойдёт.

Марта посмотрела на вторую лестницу, ведущую к боковому входу.

— Через грузовую?

— Она в том же проходе. Изнутри завалило.

Ника отодвинула сумку за спину.

— С улицы можно обойти. Через старую промывочную.

Марта обернулась.

— Она замурована.

— Снаружи. Из мастерской под досками лаз. Мы летом ходили желоб чистить. Там в стенке окно.

Рабочий покачал головой.

— В окно не пролезешь.

— За раму привязать можно. И потянуть дверь оттуда. Она в другую сторону перекошена.

Марта вытерла лицо рукавом.

— Покажешь. Вниз сама не лезешь.

Они обогнули сарай. Ника сняла со стены железную планку, которую летом прибили вместо замка, и протиснулась в мастерскую. За ней вошли Марта и рабочий с верёвкой.

Здесь пахло сырым деревом. В углу, поверх промывочного лаза, сложили обрезки. Ника передвинула верхнюю доску, остановилась, переводя дыхание. Марта оттеснила её плечом и убрала остальные.

Под люком была лестница.

Снизу доносились голоса. Мастерская примыкала к галерее, но пол находился выше; узкое окно действительно выходило над перекошенной дверью. Ника вспомнила, как летом протягивала оттуда шланг, а Ран на той стороне ловил конец ведром.

Марта посветила вниз.

— Сухо. Ран, верёвку давай.

Рабочий спустился. Ника опустила ему моток, потом фонарь. Марта придерживала её за пояс, пока она наклонялась.

В проходе за стеной звякнуло.

— Клим! — позвал Ран. — Слева от тебя окно. Сейчас через него потянем. Отойди!

Кто-то ответил глухо, несколько раз ударил в дверь. Ран обернулся к ним.

— Есть. Живые.

Ника выдохнула.

Он снял с крюка шланг, потянул верёвку через оконную решётку. С другой стороны накинули петлю на край двери.

— Поможешь? — спросил Ран у Марты. — Мне угол держать.

Марта спустилась на две ступени.

— Ника, у люка остаёшься. Если пар пойдёт — сразу кричишь.

Ника села на край так, чтобы видеть вход и нижнюю площадку.

Пока всё шло медленно. Верёвка натягивалась, скрипела. За стеной дышали и ругались. Дверь сдвинулась немного, ещё немного. Марта переставила ногу на нижнюю ступень.

— Сейчас. В щель не суйся. Ещё раз.

Клим сказал что-то, и Ран коротко рассмеялся.

Потом труба под потолком стала тёмно-красной.

Ника заметила это раньше, чем услышала новый звук. Полоса вдоль заклёпок едва светилась под толстым слоем грязи. По стене побежала дрожь.

— Наверх! — крикнула она.

Марта вскинула фонарь, пытаясь разглядеть соединение над лестницей.

На соединении вздулся мокрый пузырь. Лопнул. Из него вырвалась тонкая белая струя, ударила в противоположную стену и прошла поперёк лестницы.

Марта отшатнулась вниз. Ран дёрнул её за рукав, увёл за низкий каменный простенок. Фонарь упал и погас. Где-то за дверью закричали.

Ника вскочила. Подошва скользнула по доске, она ударилась коленом о край. Мир на секунду сузился до боли в ноге, но лестница оставалась перед ней. На третьей ступени шипела вода.

От верхней трубы отходил толстый патрубок. Он шёл через мастерскую к промывочному баку — железной ёмкости, в которой летом осаждали грязь. На нём стояла закрытая заслонка.

Ника схватила ветошь, набросила на маховик. Тот провернулся на ладонь и встал. Дальше не шёл.

— Ран! Промывочная! — крикнула она вниз.

Ответ потонул в шипении.

Она упёрлась ногой в основание, потянула ещё. Что-то хрустнуло. Маховик остался в руках вместе с коротким обломком оси.

Ника положила его на пол.

Из окна повалил пар. Лестницу больше не было видно.

Ей нужно было уйти за Мартой, позвать людей от главного люка. Она повернулась к двери мастерской и увидела на полу инструментальный ящик. В нём был захват с длинными губками. Если ухватить обломок оси…

Ника присела, достала его. Пальцы попали на голый металл патрубка.

Под ладонью толкнулось.

Она знала, что сейчас обожжётся. Уже втянула воздух, готовясь к боли, но её не было. По руке вверх, до плеча, прошёл тяжёлый жар. Во рту стало сухо.

Где-то далеко кто-то рванул цепь.

Ника прижала ладонь сильнее.

Она всё ещё видела мастерскую: ящик у двери, гнутый маховик, своё пятно на пыльном полу. И одновременно чувствовала трубу за спиной, ту, что шла над лестницей. В ней теснилось тепло. Оно давило, искало выход, упиралось в закрытый промывочный ход.

В пустом баке было холодно.

Она прислушалась к звуку в трубе за спиной.

Тепло сдвинулось следом.

В металле проскрежетало так, что заболели зубы. Труба над лестницей потемнела. В баке застучали расширяющиеся стенки; лежавший на дне снег осел, превратился в воду и зашипел.

Ника дёрнулась от неожиданности. Всё замерло.

Снизу позвала Марта. Ника не разобрала слов.

Она снова посмотрела на бак и стиснула патрубок обеими руками. Через горячую железную стенку будто можно было протолкнуть то, что мешало людям выйти. Как застрявший в шланге ком грязи. Только не останавливаться, пока дверь не открыта.

Бак загудел.

По спине Ники побежал озноб. Она втянула шею в воротник. Внутри рукавов стало холодно, как если бы их наполнили снегом.

— Марта! — позвала она.

Голос вышел слабым. Ника сглотнула, попыталась повторить.

На лестнице показалась рука. Ран держался за скобу, поднимаясь боком. За ним шла Марта. Она остановилась, оглянулась вниз и дёрнула кого-то за ворот.

Трое. Внизу было трое.

Ника попробовала пересчитать выходящих, но цифры рассыпались. Первым поднялся Ран. Потом мужчина без куртки. Потом ещё один, с рукой, прижатой к груди. Третий показался в проёме, но не мог подняться. Марта оставалась внизу.

— Держи его! — крикнула она.

Ран схватил последнего за пояс. Они потянули вместе. Человек застонал, ударился затылком о нижнюю доску, выругался.

Ника улыбнулась. Раз ругается, значит, может.

Её зубы стукнули друг о друга.

Кто-то коснулся плеча. Она хотела сказать, чтобы не трогали, иначе всё пойдёт обратно, но язык не слушался.

— Вель. Отойди от трубы.

Дамиан.

Он был без пальто. Рукав на левом предплечье потемнел, ворот рубашки расстёгнут. На открытой шее выступили мурашки. Он тоже мёрз, хотя не подавал виду.

Он проследил её взгляд до бака.

— Главную перекрыли. Все вышли, — сказал он. — Слышите? Все. Теперь отпустите.

Она попробовала разжать пальцы. Не получилось.

Дамиан опустился рядом. Одну ладонь положил на стык патрубка, другой вытащил из-за пояса короткую металлическую скобу. На её концах светились две белые точки.

— Марта, за плечи. Руки пока не снимайте.

Ника почувствовала, как её подхватили сзади. Дамиан прижал скобу к трубе. Свет сошёлся тонкой полосой вдоль соединения.

Бак перестал гудеть.

Ника услышала собственное дыхание — короткое, с присвистом. Только теперь стало больно в запястьях.

— По одному пальцу, — сказал Дамиан.

Он снимал их с металла осторожно. Сначала мизинец, потом следующий. Ника смотрела на белые костяшки, не сразу понимая, что это её рука.

За спиной Марта говорила что-то злое и бессвязное.

Последнее, что Ника увидела в мастерской, — ручку захвата возле своего сапога. Она так и не успела его применить.

На улице её вырвало.

Ран придерживал ей голову. Марта осторожно сняла с неё куртку. Ника попробовала помешать, но не смогла поднять руки. Кто-то укрыл её сверху сразу двумя одеялами.

— Горячего не лейте, — сказала Лея. — Здесь, на дверь. Медленно.

Нике хотелось сесть. Она пыталась объяснить, что лежать нельзя, если сейчас снова вырвет, но Лея уже повернула её на бок.

— Нормально. Я держу. Дыши.

В поле зрения качался ботинок караульного. За ним стоял Дамиан и смотрел на свои руки. Потом отвернулся к лекарю.

— Холодовая отдача, — сказал он. — Через тело провела.

Ника не поняла, о ком он говорит.

— Сколько держала? — спросил лекарь.

— Я не видел начала.

— Марта?

— Не знаю. Пока дверь тянули. Потом выходили… Не знаю.

Лекарь коснулся Никиной шеи, положил пальцы ей на запястье.

— В лечебницу. Сразу. Остальных сюда несите.

Дверь под ней поднялась. От движения потянуло колено. Ника обрадовалась боли: её она хотя бы узнавала.

По дороге над головой плыли фонари. Она считала их, но всё время возвращалась к двум. Кто-то шёл сбоку, придерживая край одеяла, чтобы не тянуло по земле.

— Домой, — сказала Ника.

Человек наклонился. Лея.

— Агате передали. Знает уже.

Ника хотела спросить про Тима, но челюсть свело. Она зажмурилась.

В лечебнице долго снимали с неё одежду. Рукава застревали, мокрая штанина не поддавалась. Ника пыталась помочь и мешала. Ей говорили названия простых вещей: подушка, рубашка, одеяло. Она повторяла про себя, чтобы удержаться в комнате.

На кисти легло что-то тёплое. Не обжигающее. Потом к бокам подложили обёрнутые бутылки.

— Не спите пока, — попросила незнакомая женщина.

— Я не…

— Знаю. Имя скажите.

Ника сказала.

Женщина спросила ещё что-то. Ника не ответила: увидела на соседнем стуле свою сумку. Та стояла раскрытой, и из неё торчала перчатка.

Она потянулась.

— Потом возьмёте.

— Не надо…

— Не выбросят. Всё ваше здесь.

Её снова трясло. Трясло так сильно, что кровать стучала о стену. Ника вцепилась в одеяло, стараясь удержать хотя бы край. У женщины были тёплые сухие руки. Она время от времени брала Нику за запястье, смотрела на часы.

Потом пришла Агата.

Села на край стула, не развязав платка. Ей дали второе одеяло, но она положила его поверх Никиного, сама осталась в пальто.

— Тим дома, — сказала она сразу. — С соседкой. Всё в порядке.

Ника смотрела на узел у неё под подбородком.

— Можешь не говорить. Мне сказали, нельзя.

Она взяла Никину руку между ладоней и замолчала.

За перегородкой кашляли. Человек на соседней койке просил воды; ему отвечали, что пока только смочить рот. По коридору проехала тележка, постукивая одним колесом.

Ника не знала, сколько прошло времени. Сперва Агата сидела слева. Потом уже справа, и платок лежал у неё на коленях. В комнате стало светлее, хотя за окном ещё была ночь.

Когда вошёл Дамиан, Ника смогла повернуть голову.

На нём было то же пальто, но застёжку он не скрепил. Левую руку перевязали. Краем глаза Ника заметила, как Агата закрыла ладонью её пальцы.

— Коротко, — сказала женщина с часами. — И без расспросов о том, что было.

Он остановился возле стула.

— Троих из нижнего прохода осмотрели. Клим здесь, с рукой. Двое ушли домой. Марта остаётся на участке.

Ника попыталась кивнуть, но голова едва слушалась.

— Вода…

— Сбросили в отстойник. Сейчас закрыто.

Он достал из кармана чехол. Сумка стояла у кровати с застёгнутым клапаном.

— Выпал, когда с вас сумку снимали. Передали мне вместе с инструментом.

Агата протянула руку. Дамиан отдал измеритель ей.

— Завтра придёт человек из управления, — сказал он. — Надо будет установить, как прошёл выброс. Сейчас отдыхайте.

— Она ничего подписывать не будет, — ответила Агата.

— Сейчас никто не предлагает.

— И завтра не будет, пока не встанет.

Дамиан перевёл взгляд с неё на Нику.

— Я передам.

Он ушёл. За дверью его окликнул лекарь, и шаги остановились.

Агата убрала чехол в сумку, застегнула пряжку. Ника хотела спросить, треснуло ли стекло, но вместо слов вырвался кашель.

Женщина с часами принесла чашку. Напиток был тёплым и сладким. Ника смогла сделать три глотка, прежде чем рука устала. Агата подхватила чашку за донышко.

— Ещё?

— Хватит, — прошептала Ника и отвела чашку от губ.

Одеяло сползло с плеча. Тётя поправила его, подоткнула сбоку и только тогда принялась расстёгивать собственное пальто. Один крючок не поддавался. Агата тянула его, сердясь всё сильнее, пока Ника не накрыла её руку своей.

— Дай, — сказала она.

Пальцы не смогли ухватить маленькую петлю.

Агата сама освободила крючок, сняла пальто и повесила на спинку. Потом снова села рядом, оставив Нике свою ладонь.

Глава 5. Предложение хранителей

Ложка звякнула о край тарелки в третий раз.

Ника положила её на одеяло. Каша была жидкой, тёплой, с комком масла посередине. Масло таяло медленнее, чем она ела.

— Я могу покормить, — сказала сиделка.

— Не надо.

— Тогда подвиньте тарелку ближе.

Ника подвинула. Сиделка подложила ей под локоть свёрнутое полотенце, и рука перестала дрожать так сильно.

За окном скребли лопатой. Человек на соседней койке спал с открытым ртом. Ночью он требовал отпустить его домой, а теперь, когда пришли за одеждой, не проснулся даже от толчка в плечо.

Агата ушла перед рассветом. Оставила у кровати чистую рубашку, гребень и записку: «Сумку не трогай, всё на месте». Последние три слова подчеркнула. Ника провела пальцем по бумаге. Почерк у тёти был круглый, с тяжёлыми нажимами, от которых на обороте оставались бороздки.

Из коридора позвали лекаря. Тот вошёл через несколько минут, выслушал сиделку и попросил Нику сесть без помощи.

Она села.

Потом пришлось лечь обратно: комната поплыла, край окна вытянулся в белую полосу.

— Сегодня лежите, — сказал лекарь.

— Мне на работу.

Он поднял с одеяла ложку и вложил ей в руку.

— Держите.

Ложка съехала на согнутые пальцы.

— На работу я напишу.

Ника разжала ладонь. Кончики пальцев покалывало. Кожа осталась целой, даже там, где она держалась за трубу.

— Что со мной было?

Лекарь придвинул стул.

— Температура упала. Сильно. Сейчас поднимается, пульс ровнее. Тошнота ещё есть?

— Нет.

— Дышать больно?

Ника осторожно вдохнула.

— Чуть-чуть.

Он послушал её, попросил повторить вдох и записал что-то на листке у изголовья.

— А почему упала? Там жарко было.

— Об этом лучше спросить хранителя. Я видел людей после работы с контурами. Но вы ведь не хранитель?

Она покачала головой.

— Значит, разберёмся. По крайней мере, пальцы у вас целы. Пошевелите ещё раз.

Утром из управления пришёл не Дамиан, а невысокий мужчина с кожаной папкой. Сиделка отвела ему стул в ногах кровати. Он сел, вытер запотевшие стёкла очков и представился помощником приёмной.

Ника решила, что сейчас спросят про подпись.

Вместо этого мужчина сообщил, что осмотр аварии проведут без неё, а когда она сможет, глава хранителей хотел бы с ней поговорить.

— Здесь?

— Либо в управлении. Как разрешит лекарь.

— О чём?

Мужчина открыл папку, нашёл лист.

— О происшествии на распределителе и возможном поступлении на службу.

Ника подождала, не скажет ли он ещё чего-нибудь.

— Я на службе уже.

— Это я записал. Сохранение места в ремонтной бригаде на время лечения согласовано.

— С кем?

— С госпожой Соль.

На его листе напротив фамилии Ники стоял номер. Ниже шли строки мелким почерком.

— Мне надо копию.

— Это служебная записка.

— Мне хотя бы то, что про работу. Марта сказала — не помнишь, оставляй пустое. А я сейчас половину не запомню.

Он подумал, оторвал от блокнота страницу и переписал три строки. Назначение разговора оставил без даты.

Когда мужчина ушёл, Ника прочла бумагу, потом ещё раз. Уложила рядом с Агатиной запиской. Они были почти одного размера.

К вечеру пришёл Тим.

В дверях он зацепился за поднос, извинился перед сиделкой и сразу сел так далеко от кровати, что Ника не смогла бы до него дотянуться.

— Ты ел? — спросила она.

— Да.

— Что?

— Суп.

Он смотрел на бутылку в чехле возле её ног. Оттуда шло тепло; сиделка меняла бутылки каждые полчаса, не дожидаясь, пока остынут.

— Измеритель дома не трогай, — сказала Ника и тут же вспомнила, что он в сумке. — То есть…

— Знаю.

Тим расстегнул пальто, достал завёрнутую в носовой платок деревянную расчёску. Положил на тумбу. Их дома было две; эту Ника считала потерянной.

— Под рамой была, — сказал он.

— Спасибо.

— Я там убрал.

— Всё?

— Под рамой.

Она улыбнулась, но Тим не ответил. Сидел, не снимая пальто.

— Мне лучше, — сказала Ника.

— Вижу.

Он нагнулся, поднял с пола упавший край одеяла. Подоткнул у ног, почти так же, как Агата ночью.

— Ран заходил. Сказал, ты трубу держала.

На ладонях темнели следы работы.

— Я сначала заслонку хотела открыть.

— А потом?

— Не знаю, Тим.

Он ждал. Она попробовала подобрать слова — про тепло, про бак, про то, как всё внутри стало доступным рукам, хотя руки оставались снаружи. Не получилось.

— Не знаю, как это вышло, — повторила она.

Тим взял расчёску, которую только что принёс, повернул зубьями к себе и снова положил.

— В следующий раз сначала разбери, как работает.

Он просидел ещё немного. Перед уходом взял её за пальцы, быстро и неловко, будто проверял, не холодные ли.

Следующие три дня поместились между едой и сменой бутылок. Сначала Ника научилась вставать, держась за спинку стула. На второй день дошла до двери, на третий лекарь позволил умыться у общего рукомойника.

Клима она встретила в коридоре. Рука висела у него на широкой перевязи, пальцы торчали наружу, распухшие и синие.

Он посторонился, пропуская её.

— Вам хуже? — спросила Ника.

— Мне домой велят, а там коза. Кто доить будет — не сказали.

Ника задержала взгляд на его распухших пальцах. С такой рукой даже кружку удержать было трудно.

— Соседи?

— Так соседи и выпьют.

Подошла сиделка с его вещами. Клим принял шапку здоровой рукой, помял, потом сунул Нике в ладонь маленький лоскут с адресом.

— Если чего починить надо будет. Я столяр. Как рука срастётся.

Ника убрала лоскут. Сказать ничего не успела: Клим уже спорил с сиделкой, можно ли ему застегнуть ремень самому.

Глава хранителей Элиас Рейн пришёл на четвёртый день после аварии.

Для разговора выделили комнату возле лекарского кабинета. Ника надела свою рубашку и старую юбку: штанину ещё не зашили. Дойти разрешили под руку с Агатой. Ника сперва отказывалась, но на повороте сама ухватилась за её локоть.

Элиас Рейн поднялся им навстречу.

Он был ниже сына, шире в плечах, с коротко подстриженными седеющими волосами. Пальто висело у двери; на тёмном жилете блестела золотая застёжка. Знакомый блеск заставил Нику отвернуться.

— Садитесь, — сказал он. — У окна тянет. Лучше здесь.

Агата подвинула стул подальше от его стола и села рядом с Никой. Рейн не стал возражать. Открыл папку, достал несколько листов и повернул один к ним.

На нём был нарисован промывочный узел.

— Узнаёте?

Ника узнала бак, лестницу, короткий патрубок. Её собственную ладонь на таком чертеже обозначили бы маленьким пятном.

— Да.

— Здесь заслонка осталась закрытой. Мы проверили. Вода через неё не шла.

— Ось сломалась.

— Верно. Однако бак нагрелся. Рабочие говорят, пока вы держались за патрубок.

Он не торопил. Агата сидела неподвижно, сложив руки поверх сумки.

— Я хотела, чтобы оно ушло туда, — сказала Ника. — Тепло. Не вода.

— Раньше такое было?

Она подумала о маховике в колодце, о кольце Дамиана.

— Не так.

— Нагретый металл брали без ожога?

— Иногда.

Рейн положил перед собой карандаш.

— У вас есть проводимость. Редкая способность, которую трудно заметить, пока человек не сталкивается с большим потоком. Её можно развить. И можно научиться закрываться, чтобы не повторилась холодовая отдача.

— Дамиан тоже так умеет?

— Нет. Он удерживает границы контура. Направлять тепло через сплошной металл, минуя закрытый ход, он не может.

Ника снова посмотрела на рисунок. Ей хотелось спросить, как тепло прошло сквозь заслонку. Вместо этого она сказала:

— Почему я замёрзла?

— Вы удерживали связь собой. Без защитного контура тело начинает терять собственное тепло. Чем больше проводите, тем быстрее. То, что руки не обожжены, не означает, что вам ничего не угрожает.

Агата потянула сумку ближе.

— Её вылечат?

— После этого выброса — судя по заключению, да. Лекарь продолжит наблюдение. Но саму способность лечить бессмысленно. Это не болезнь.

Он дал Нике время прочесть короткое описание осмотра. Она разобрала не всё: две строки оказались написаны лекарскими сокращениями.

— Вы предлагаете работу, — сказала она.

— Обследование сети. Начать с малых контуров, под наблюдением. Вы уже знаете городские каналы и умеете читать рабочие схемы. Это полезнее, чем учить всему человека, который никогда не держал ключа.

— Что именно я буду делать?

— Искать места преждевременного отвода тепла. Измерители отмечают сбой, но не всегда показывают, где он возник. За последние недели таких мест стало больше.

Ника вспомнила холодные простыни и цифры на дощечке.

— А если снова так получится?

— До полных нагрузок вас не допустят. Сначала выясним пределы.

Агата развернула ладонь на сумке.

— Здесь выясните?

— В замке. Там есть стенды и люди, которые работают с такими случаями.

Ника прочла следующий лист. Десять дней временной службы после разрешения лекаря. Плата втрое выше её обычной. Лечение, питание, комната в служебном крыле. Обязанность соблюдать правила доступа.

Она перечитала про комнату.

— Мне жить там обязательно?

— До восстановления — желательно. Подъём из нижнего города занимает много времени. Позже сможете ходить из дома.

— А домой выходить?

— Вне рабочих часов. Если лекарь разрешает.

Ника провела пальцем под строкой о прекращении службы.

— Здесь написано «по решению управления».

— Это стандартный бланк.

— По моему решению тоже надо.

Рейн взял карандаш. Зачеркнул несколько слов, вписал новые.

Агата наклонилась посмотреть.

— Не карандашом.

Он поднял глаза. Потом достал перо.

Снаружи послышались шаги, кто-то попросил дать пройти с ведром. Они подождали, пока шум утихнет. Рейн переписал исправление чернилами.

— Оплата за отработанные дни сохраняется, — сказала Ника. — Если уйду.

Он добавил строку.

— И я хочу получить свои показания. То, что вы намерите. Не только на словах.

— Копии выдадут.

— Это тоже впишите.

Рейн вписал. Ника смотрела, как ровно движется перо. Таким почерком можно было написать что угодно, и всё выглядело бы разумно.

— Ещё одно, — сказала она. — Моя мать работала у вас.

Агата повернулась к ней.

Рейн положил перо на подставку.

— Ваша фамилия есть в старых списках ремонтной службы.

— Семь лет назад. После обрушения. Нам так сказали.

— Я могу запросить личное дело.

— Там есть, где её нашли?

Он помолчал.

— Не обещаю того, чего не видел. Запросить могу.

Агата сидела, прижав нижнюю губу зубами, и разглядывала угол стола.

— Запросите, — сказала Ника.

Рейн сделал помету на отдельном листе. Затем вытащил ещё один документ — распоряжение об оплате её лечения и топлива для семьи на время восстановления.

— Работа ещё не началась, — сказала она.

— Это по аварии. От вашего согласия не зависит.

— А Прачечный?

— Временный обход запущен. Сушильные вводы пока будут работать по сокращённому расписанию. У вашей тёти есть это расписание.

Агата кивнула, не глядя на него.

— Решение можете сообщить завтра, — сказал Рейн. — Я оставлю копию. Оригинал вернут с исправлениями, если согласитесь.

Ника не стала брать протянутое перо.

Назад они шли медленнее. У лестницы пришлось остановиться, переждать слабость. Агата не поддерживала её, пока она сама не попросила.

В палате тётя положила документы на тумбу и долго поправляла завязки мешочка с чистым бельём.

— Скажи, — попросила Ника.

— Что сказать?

— Ты же хочешь.

Агата села.

— Я хочу, чтобы ты дома работала. На своём складе. С Мартой. Там хоть знают, когда ты ушла и куда.

Ника сжала пальцы, пряча дрожь.

— На складе я тоже за горячее берусь.

— Знаю.

— Я не умею остановить это.

Агата потёрла переносицу.

— Знаю, Ника.

У соседней койки уже сменился больной. На спинке висела чужая рубашка, на полу стояли большие сапоги с заячьим мехом внутри. Ника отвела глаза от них к окну.

— Я сначала посмотрю, как там работают, — сказала она. — Десять дней.

Тётя взяла бумаги, ещё раз прочла исправленную строку. Потом аккуратно сложила их пополам.

— Копию мне оставишь.

На следующий день Ника сообщила согласие. Подписывала медленно, придерживая правую руку левой, и первая буква всё равно вышла слишком большой.

До отъезда оставалось ещё два дня. Лекарь не разрешил сократить их, хотя за Никой уже прислали закрытую повозку. Возница выслушал отказ, забрал дорожное одеяло и уехал.

Глава 6. Верхние комнаты

Повозка проехала мимо прачечной, не останавливаясь.

Ника успела увидеть дверь, свежую полосу золы на ступеньке, Тима возле водостока. Он поднял руку. Она тоже подняла, но стекло было мутным и низким, а на повороте брат исчез за спиной возницы.

Остановку ей предлагали. Ника сама отказалась: если бы зашла, понадобилось бы проверить печь, выслушать соседку, посмотреть, не течёт ли отвод под сушильным шкафом. Потом Агата начала бы собирать еду. Всё это они уже проделали вчера в лечебнице. Пакет с хлебом теперь лежал у неё на коленях, поверх сложенного пальто.

По мере подъёма улицы становились шире. Колёса перестали подпрыгивать на каждом стыке. Ника придерживала сумку, чтобы не соскользнула, и считала повороты: пригодится, когда пойдёт назад пешком.

После третьего поворота с дороги увидела весь нижний город. Крыши теснились у реки, дым смешивался с туманом. Старую мельницу уже не было видно. Над белой полосой торчал только верх трубы.

Повозка свернула к боковым воротам замка. Здесь стояла очередь из телег: мука, дрова, мешки с чем-то тяжёлым и тёмным. У стены двое мальчишек пытались снять бочку с полозьев. Караульный смотрел в книгу и не замечал, как бочка медленно перевешивает.

— Справа придержи, — сказала Ника через открытое окошко.

Тот, что был меньше, вскинул голову, увидел бочку и бросился к ней. Оба упёрлись плечами. Возница поставил повозку на тормоз и пошёл помогать.

К воротам вышел человек в коротком сером жилете. Взял у возницы бумаги, заглянул внутрь.

— Вель?

— Да.

— Сама выйдете?

Ника подтянула к себе сумку.

— Если дверь откроете.

Он открыл и подставил низкую скамеечку. Ника воспользовалась ею без спора. После дороги ноги затекли, а двор был слишком широким, чтобы падать посередине.

Человека звали Ольм. Он заведовал комнатами служебного крыла и говорил с Никой так, будто она собиралась прожить здесь сорок лет. Объяснил, где получать свечи, в какие дни меняют бельё, почему сапоги нельзя оставлять на лестнице.

— По утрам ведро носят. Зацепится — всех разбудит. В прошлый раз до нижней площадки долетело.

Ника шла за ним по коридору и смотрела на трубы. Они были утоплены в неглубокие ниши, закрыты решётками на винтах. Возле каждого соединения стоял номер. На повороте один винт вылез наполовину. Ника задержалась, провела пальцем по шляпке.

Ольм уже открыл следующую дверь.

— Сюда.

Комната оказалась небольшой. Две кровати, стол, шкаф без дверцы. На одной кровати лежали матрас и свёрнутое одеяло, на другой всё было застелено. У окна стоял кувшин в тазу. На стене над столом висела дощечка с распорядком.

— Вторая пока свободна, — сказал Ольм. — Положите вещи, потом вниз, в приёмную. Вас запишут.

Он оставил ключ на столе.

Ника сняла пальто. Воздух был тёплый, сухой; можно было не ждать, пока отпустит пальцы. Она умылась, вытерла лицо выданным полотенцем и открыла шкаф. Нижняя полка хранила запах чужого мыла. На верхней лежала забытая шпилька.

Всё её имущество поместилось на одной полке: две рубашки, бельё, шерстяная кофта, гребень. Пальто повесила на крючок. Инструмент и измеритель оставила в сумке.

Пакет с хлебом развернула, отломила уголок и снова завернула. Крошка прилипла к пальцу. Ника стряхнула её в пакет и подвернула край бумаги.

В приёмной сидели четыре человека. Один спал, положив голову на собственную шапку. Другой держал руку у рта, время от времени проверяя пальцем больной зуб. Двое спорили из-за номера заказа.

Ника встала в конец.

Женщина за перегородкой быстро перелистывала бумаги, задавая вопросы ещё до того, как предыдущий посетитель успевал отойти. Когда очередь дошла до Ники, её попросили назвать службу, участок и номер направления.

— Временное обследование, — прочла Ника. — По распоряжению главы хранителей.

Женщина посмотрела на неё поверх листа, потом отодвинула чашку и полезла в нижний ящик.

— Вы к господину Рейну младшему. Вот пропуск. В воротах показываете с обеих сторон. Если потеряете, к дежурному, новый сразу не дадут.

На пропуске стояла её фамилия. Ниже — «верхние контуры» и дата окончания десятидневного срока. Слева оставалось пустое место для печати.

— Нижние мне не положены?

— Нет в направлении.

Женщина провела пальцем по списку.

— Продовольствие вам оформлено. Плату получите в конце срока. За авансом — через старшего участка. Есть вопросы?

Ника достала вторую бумагу.

— Запрос личного дела. Мне сказали, принят.

Та сверила номер и указала на коридор за спиной.

— Опись, третья дверь. Если ответ пришёл, выдадут.

Третья дверь была закрыта. Ника постучала, подождала. Изнутри велели нажать сильнее: разбухла рама.

В комнате пахло пылью и клеем. За высоким столом стояла женщина в очках на тонком шнурке. Переплетала книгу, прижав коленом стопку листов. Возле локтя лежал нож с коротким широким лезвием.

— Что у вас?

Ника показала номер.

Женщина прочла, приколола иглу к рукаву и повернулась к шкафам.

— Вель… Подождите.

Нашла тонкий конверт. Ника узнала своё имя на обороте. Письмо ещё не вскрывали.

— Личное дело пока не нашли. Есть выписка из итогового реестра. Получение здесь.

— Это всё?

— Пока да. Поднимут остальное — сообщат.

В конверте было полстраницы. Место работы, дата последнего выхода, запись о гибели при обрушении технического коридора. Ника прочла и перевернула лист. На обороте ничего.

Женщина ждала с распиской в руке.

Ника поставила подпись.

— Номер коридора есть?

— В том, что пришло, нет.

— А в полном деле?

— Я его не видела.

Женщина говорила без раздражения, но и без обещания, что за закрытой дверцей непременно найдётся что-то хорошее. Ника сложила выписку обратно.

— Как вас зовут?

— Ирма Таль. Если пойдёте с новым запросом, укажите старый номер. Иначе начнут заново.

Ника переписала имя. Ирма вернула иглу в книгу.

Из описи она вышла к тому же спящему человеку. На шапку ему упала капля из кувшина, который протекал на подоконнике. Ника передвинула кувшин в блюдо. Мужчина открыл глаза.

— Моя очередь?

— Не знаю.

Он вскочил, будто проспал полжизни.

Дамиан ждал возле лестницы. Пальто на нём не было; перевязь сменилась узкой повязкой вокруг предплечья. В правой руке он держал папку и два латунных зажима.

— Вас искали в комнате.

— Меня отправили записываться.

Она подняла пропуск. Дамиан проверил строку допуска.

— Печать поставим после осмотра.

— Опять осмотр?

— На этот раз рабочего места. Лекарь только завтра.

Он двинулся по коридору, но сразу остановился, позволяя ей идти рядом. Ника убрала бумаги. На повороте вспомнила про выписку и переложила её отдельно, во внутренний карман.

— Что вам сказали о работе? — спросил Дамиан.

— Малые контуры. Смотреть, куда уходит тепло. Без нагрузки, пока не проверите.

— Хорошо. Первые дни сами ничего не открываете. Если чувствуете поток без прибора, говорите. Не пробуете усилить.

Она кивнула.

Он посмотрел на её сумку.

— Инструмент можете оставить в комнате.

— Пусть со мной.

— Тяжело же.

Ника перехватила ремень. Дамиан больше не предлагал.

В конце коридора они вышли на галерею над внутренним двором. Внизу выгружали дрова. Человек с чёрной повязкой на голове отмечал каждый воз, другой ругался, что сырые поленья опять смешали с сухими.

Слева поднималась широкая лестница с ковровой дорожкой. Дамиан свернул направо, к обитой железом двери.

За ней оказалось шумно.

Вдоль стен шли каналы, посредине стояли рабочие столы. Двое мастеров поднимали к потолку тяжёлую секцию кожуха. Ещё один держал лестницу и требовал, чтобы верхний наконец перестал переставлять ноги.

— Левая скоба не села, — сказал Дамиан.

— Вижу, — ответили сверху. — Здесь бы потолок на ладонь выше.

Ника отступила с прохода. У её колен стоял ящик с обрезками изоляции. Она пододвинула его к стене, освобождая место.

Дамиан положил зажимы на стол, что-то отметил в журнале. Мастер с лестницей оглянулся.

— Новый проводник?

— Ника Вель. Пока наблюдение.

— Садитесь тогда подальше от окна. Мы там секцию держим, если сорвётся, много не будет.

Ника выбрала табурет у стены. Пока мастера возились с кожухом, она успела рассмотреть комнату. На доске висели заявки. Каждая на отдельном листе, с временем и подписью. Несколько помечены красным. На одной значилось: «Лечебница. Детское крыло. Падение после четвёртой подачи».

Рядом лежала стопка чистых карточек.

Дамиан налил воду из кувшина в кружку, подвинул к ней.

— Сейчас закончат — пройдём.

Ника сделала глоток. Вода была просто водой, ни ледяной, ни тёплой от трубы. Она выпила почти всё.

— Здесь тоже падает?

Дамиан проследил её взгляд до заявки.

— Это городская лечебница.

— Где я лежала?

— В соседнем крыле. Там другой отвод.

— Когда чинить будете?

Он снял карточку, показал оборот. Работы уже начали. Мастер расписался о получении новых муфт.

Ника вернула лист.

На верхней лестнице что-то лязгнуло. Все замолчали, пока работавший под потолком не выругался и не показал упавший инструмент.

— Живы, — сказал тот, что держал лестницу. — Давайте быстрее. У нас каша кончится.

В столовую пришли поздно: там уже вытирали крайние столы. Дамиан попросил две порции, и повариха молча вернула его к раздаче за подносом.

Ника сама взяла свой.

Место нашлось возле окна. Дамиан сел напротив, снял с хлеба короткую нитку, оставшуюся от мешка, и начал есть. Ел быстро. Ника думала, он станет снова задавать вопросы о трубе, но разговор завела она.

— Мастер, которого ошпарило. С ним что?

— Останется в лечебнице ещё неделю. Потом видно будет.

— Я имени не знаю.

— Терн.

Ника повторила имя про себя.

— Нижний проход уже открыли?

— Расчищают.

— Заслонку почему не заменили раньше?

Дамиан перестал отламывать хлеб.

— Её не было в ведомости неисправностей. Осмотр снаружи она проходила. Ось сгнила внутри.

— Мы бы узнали, если бы раз в год крутили.

— Раз в полгода. По журналу крутили.

Она подняла глаза.

— В журнале можно расписаться, не спускаясь к заслонке, — добавил он. — Я запросил подписи и последние замеры.

Ника помешала кашу. Внутри попался кусочек моркови, разваренный до прозрачности.

— Марта всё записала.

— Я знаю.

Некоторое время они ели молча. За соседним столом мастера обсуждали сапоги: одному выдали пару с двумя левыми стельками. Тот, что сидел спиной к Нике, уверял, что это вообще не проблема, если ходить только налево.

Дамиан коротко усмехнулся и отпил воды.

После обеда они вернулись к стендам. Кожух уже закрепили. На столе лежала пластина с несколькими отверстиями и та самая медная лента, которую использовал Ремм, только длиннее.

Дамиан объяснил, где проходит нагрев, где возврат, как снять питание, не трогая горячую часть. Ника выслушала, потом показала ладонью на нижний зажим.

— Ремм сюда чашку ставит.

— Для проверки направления?

— Да.

— Здесь отдельный охлаждающий контур. Чашки мало, если долго работать.

Он открыл деревянную дверцу под столом. Внутри стояла медная ёмкость, от которой уходили два узких канала. На стенке закрепили поплавковую метку.

Ника присела, стараясь не сгибать правую ногу до конца.

— Когда воду меняете?

— Через слив. Самой не надо.

— Я спрашиваю, как часто.

— После каждого опыта. Если стоит — утром перед началом.

Она поднялась. Дамиан держал дверцу, пока она не отошла.

В тот день ничего не нагревали. Он заставил её несколько раз показать, как отключить стенд, потом перенёс первый опыт на завтра и исправил дату в рабочем листе. Ника возражать не стала. К вечеру даже разговоры начали утомлять.

На её пропуск поставили печать. Добавили маршрут от комнаты до стендов и к столовой. Выход через боковые ворота действовал до вечерней смены караула. После нужно было отмечаться у дежурного, чтобы не начали искать.

— Главные ворота ночью закрыты, — сказал Дамиан. — Боковые открывают. Скажите, куда идёте и когда ждать.

Ника провела пальцем по свежей печати.

— А ниже этой галереи?

— Там другие допуски.

— У вас есть?

— Есть.

Он убрал печать в ящик, а ключ повесил на пояс. Усталость навалилась на Нику так внезапно, что следующий вопрос пришлось проглотить.

Ольм нашёл её в коридоре и выдал свечу. Объяснил, где можно взять горячей воды, и показал, как запирается внутренняя щеколда: ключ открывал комнату снаружи, но на ночь можно было закрыть самой.

Ника поблагодарила. Дверь за ним ещё не успела закрыться, а она уже села на кровать.

В комнате было тихо. Снизу доносились шаги; за стеной кто-то напевал одну и ту же строчку, без конца сбиваясь на последнем слове.

Ника достала из сумки хлеб. Отрезала ломоть маленьким рабочим ножом. Ела, глядя на пустую соседнюю кровать. Крошки падали на покрывало, и она собрала их в ладонь, прежде чем лечь.

Спала недолго. Проснулась от того, что в дверь скреблись.

— Да?

За дверью ничего.

Она приподнялась. В коридоре прошли двое, громко обсуждая утреннюю смену. Скрежет повторился, но теперь Ника поняла: в стене, у изголовья.

За узкой решёткой проходила труба. Она нагревалась ровно, без ударов; винты стояли на месте. Ника приблизила к ней ладонь, остановилась и достала измеритель.

Реммова бумага всё ещё оборачивала корпус. На сгибе виднелся серый след его пальца.

Ника раскрыла её, приложила прибор к доступному участку. Стрелка отклонилась вправо. Подождала, сняла, посмотрела на окошко. Ничего необычного.

На столе лежала рабочая книжка. Ника записала время и показание. По дороге за водой она остановилась в коридоре размять затёкшее колено.

Поужинать вниз уже не пошла. Доела хлеб, надела шерстяные носки. Разложила на столе бумаги: направление, копию условий, выписку о матери. Последнюю прочла ещё раз и убрала под остальные.

Снаружи темнело. Окно отражало её лицо и край незастеленного матраса. Ника задула свечу, легла на бок, подложив ладонь под щёку.

От стены шло тепло.

Она проснулась, когда пальцы сами легли на решётку. Металл был тёплым; сквозь него к ладони пришёл далёкий глухой звук. Ника вспомнила колодец так отчётливо, будто снова стояла на мокрой площадке.

— Ниже.

Она отдёрнула руку.

В соседней комнате скрипнула кровать. За окном ударила о стену незакреплённая ставня. Ника села, нащупала спички и зажгла свечу со второй попытки.

У трубы ничего не изменилось. Измеритель на столе показывал пустое деление.

Ника записала под вечерним замером одно слово. Долго смотрела на него, потом дописала вопросительный знак и оставила книжку открытой. Свечу переставила на стул возле кровати.

Глава 7. Закрытая лестница

Перед приходом Ольма Ника спрятала книжку под подушку.

Сама не знала зачем. Ольм принёс кувшин и чистую тряпку для стола, не заглянул ни в один из её листов. Спросил, не дует ли ночью. Ника сказала, что нет, и получила объяснение, в какой день здесь моют окна.

— Если вас не будет, ключ оставите у дежурного.

— А если буду?

Ольм посмотрел на неё.

— Тогда сами откроете.

Он ушёл. Ника достала книжку обратно.

«Ниже?» выглядело глупо. Она могла бы записать «посторонний звук», как в отчёте, но сама же потом не вспомнила бы, что именно услышала. Под словом поставила примерное время, рядом — номер трубы за решёткой.

По коридору прошли с ведром. На лестнице зацепили перила; Ольм что-то сердито сказал, и Ника впервые за утро улыбнулась.

Лекарь принимал в маленькой комнате возле стендов. Был другой, не тот, что работал в нижнем городе. Сухой, с короткой бородой, он долго выслушивал Никино дыхание, заставил пройти от стула до двери, вернуться, снова сесть. Потом попросил снять носок с правой ноги.

— Что здесь?

— Колено разбила.

— Вижу. Когда?

Ника перечислила оба раза. Лекарь осмотрел ссадину, надавил по краям. Она удержала ногу, хотя хотелось отдёрнуть.

— Свежей повязкой закрывать будете. Не той, что вчера засохла. Ступени пока поменьше.

Он взял со стола лист, сверил записи.

— Озноб был?

— Нет.

— Кисти немели?

— Утром немного. Сейчас нет.

— Ночью спали?

Из-за двери донеслось шарканье сапог: в коридоре ждал следующий посетитель.

— Просыпалась.

— От боли?

— От звука. В стене. Труба скребла.

— Это запишите мастеру. Сон после такого бывает неглубоким. Днём отдыхайте, пока есть возможность.

Он налил в стакан воды и дал ей подержать на весу. На этот раз поверхность почти не дрожала.

— Лёгкую нагрузку разрешаю. Под наблюдением. Сразу говорите, если холодно, кружится голова или пальцы хуже слушаются. Не ждите, пока пройдёт само.

— Мне домой сегодня можно?

— Можно. Если обратно повезут. Пешком в гору не надо.

Ника хотела сказать, что всю жизнь ходила, но вспомнила дорогу по коридору лечебницы и кивнула.

Возле стендов выяснилось, что Дамиана вызвали на главный узел. Рабочего опыта утром не будет. Мастер, который вчера держал лестницу, выдал Нике папку с планом верхнего этажа и велел сверить номера. Через час обещал присоединиться.

— Только решётки не открывай. Снаружи смотри. Если плохо видно, так и пиши.

Он указал свободный край стола. Там лежали карандаш, линейка и стопка карточек.

Ника поставила сумку, взяла всё, кроме линейки: своя была лучше. Папка оказалась потёртой, с размокшими углами. На обложке стояло «Служебное крыло. Верхние возвраты». Ниже — несколько зачёркнутых дат.

Она открыла лист на схеме своего коридора.

Номер у комнаты совпадал. Номер на повороте тоже. Дальше труба должна была уходить к кухонной лестнице, но на месте оказалось ответвление, которого на листе не было.

Ника присела возле решётки, посветила свечой. На медном воротнике проступала двойная отметка: старую цифру спилили, новую выбили чуть выше. Внизу осталось полукружие.

Она зарисовала соединение и пошла дальше.

За кухонной лестницей коридор становился уже. На подоконнике стояла миска с остывшим молоком. Чёрно-белый кот, сидевший рядом, вылизывал себе грудь. При виде Ники он насторожился и забрался на шкаф.

— Не возьму, — сказала она.

Кот не поверил.

Ника перевернула лист. Здесь было три участка, один из которых закрасили тушью. Обход обозначили пунктиром, но конечный номер не вписали. Она вернулась на несколько шагов, сверила стык. Вспомнила слово в книжке, отвернула клапан папки, чтобы посмотреть, нет ли второго листа.

Внутри лежала только опись деталей.

Ольм как раз шёл навстречу, держа под мышкой две подушки.

— Другая схема есть? — спросила Ника.

— У меня нет.

— Куда эта уходит?

Он посмотрел на трубу.

— Вниз.

Она закрыла папку.

— А лестница?

— До кухни назад, а там налево. Только там смену принимают, сейчас всех с прохода гонят.

Ника поблагодарила и пошла в указанную сторону.

На кухонной площадке действительно принимали телеги. От открытых дверей тянуло холодом и запахом мокрых мешков. Двое грузчиков ругались из-за лопнувшей ручки корзины; на камне рассыпалась морковь.

Сначала Ника посторонилась. Потом подхватила катившуюся к лестнице морковку, положила на край стола. Ей кивнули, не прерывая спора.

Лестница вниз была справа от дверей. Узкая, вытертая посередине, с железным поручнем. На цепочке висела доска с красной полосой. Её отцепили, чтобы пронести мешки, и оставили на полу.

Ника остановилась у верхней ступени.

Труба шла по стене рядом. На воротнике виднелся тот же старый знак, половина стёртой цифры. Ниже, за поворотом, она терялась в толстой изоляции.

Ника поставила свечу в нишу и попробовала приложить измеритель через решётку. Не доставал. Она убрала прибор, наклонилась, разглядывая крепление.

— Вам куда?

Караульный появился на нижнем пролёте. Молодой, с красным пятном на шее над воротником. Одной рукой он держал мешок с морковью, другой указывал на пропуск у Ники на поясе.

Она протянула его, не спускаясь.

— Сверяю ответвления. Тут старый номер.

Он положил мешок на ступень и прочёл допуск.

— Здесь нельзя. Поднимайтесь.

— Я ещё не спустилась.

— Тогда отойдите с площадки.

Ника оглянулась на трубу.

— Номер хотя бы запишу.

— Снаружи записывайте. Эту дверь сейчас закроют.

Он вернул пропуск. Ника взяла свечу, отошла к кухонному столу. Караульный поднял мешок и отнёс внутрь. Она раскрыла папку на подоконнике.

На схеме красной полосы не было. Лестница была, но шла вверх, а не вниз. Кто-то давно перестроил проход и не внёс ничего в копию.

Мимо пронесли ещё две корзины. Ника дождалась, пока освободится площадка, и подошла к порогу — теперь с другой стороны, где было достаточно света, чтобы увидеть номер воротника.

— Я сказал, проход закрыт.

Она выпрямилась.

— Я не иду.

Караульный поставил ногу поперёк дверного проёма.

— Тогда зачем вернулись?

— Номер не разобрала.

— Дайте сюда.

Он протянул руку к папке. Ника прижала её к себе.

— Это рабочее.

— Разберёмся.

В кухне перестали спорить. Ника слышала, как в корзину падают последние морковки. Караульный не убирал руки.

— Что происходит?

Дамиан стоял возле стола с приёмной ведомостью. Ника даже не заметила, когда он вошёл.

Караульный вытянулся.

— У неё верхний допуск. Я предупредил, она снова к лестнице.

— Я смотрела маркировку, — сказала Ника.

Дамиан сверил отметку на папке с красной доской у двери. На доске допуск Ники заканчивался перед этой лестницей.

— Вы ниже порога были?

— Нет.

Он перевёл взгляд на караульного. Тот покачал головой.

— Тогда возвращайтесь к посту. И поставьте ограждение. Оно на полу никому не помогает.

Караульный поднял доску, зацепил цепочку. Посмотрел на Нику, но ничего не сказал.

Дамиан жестом указал в коридор. Она прошла мимо, не дожидаясь, пока он возьмёт её под локоть. Он и не пытался.

За поворотом, возле пустой ниши, они остановились.

— Мне выдали это, — сказала Ника и раскрыла папку. — Здесь лестница вверх. Отвод не обозначен. Что я должна сверять?

Дамиан посмотрел схему.

— Вам сказали не выходить за верхний уровень.

— На каком листе он заканчивается?

Он провёл пальцем по краю.

— Здесь.

— Здесь стена нарисована. А там кухня и лестница. Скажите своему мастеру, чтобы новую дал.

Дамиан перевернул лист, проверил дату.

— Копия старая. Заменим.

Ника отняла папку.

— И всё?

— Что ещё?

— Караульный её забрать хотел.

— Вы вернулись после предупреждения.

— Я не спускалась.

— Да. Поэтому сейчас мы стоим здесь и обсуждаем схему, а не у начальника караула.

Ника отвела взгляд к его руке. Повязка у запястья развязалась, край подцепился за застёжку папки. Дамиан освободил ткань, но узел распался окончательно. Под ним тянулась красная полоса, местами покрытая тонкой сухой корочкой. Ожог заканчивался ровным полукругом.

В памяти вспыхнула белая линия на патрубке. Та же форма, только меньше.

— Это от контура? — спросила она.

Он опустил рукав.

— От работы.

— Вы сами сказали говорить, если что-то не так.

Дамиан отложил карандаш. На столе осталась незаконченная строка расчётов.

— У меня лекарь сегодня был.

Ника вытащила из сумки короткий шнурок.

— Дайте. Завяжу, а то до него опять дойдёте.

— Не надо.

Она убрала шнурок.

Он попробовал связать концы одной рукой. Не вышло. После второй попытки Дамиан протянул предплечье, оставив между ними шаг.

Ника не стала подходить ближе, чем требовалось. Повернула ткань чистым краем внутрь, связала свободные концы. Кожа вокруг ожога была тёплой. Пальцы у него оставались неподвижными, пока она не закончила.

— Не туго?

Он согнул кисть.

— Нет. Спасибо.

Ника застегнула сумку.

— На лестнице такой же поток, как у меня в комнате. Он оттуда приходит?

— Все верхние возвраты соединены с нижними.

— Тогда почему нельзя посмотреть схему?

— Посмотреть общую можно. Входить в закрытые участки — нет. Даже со схемой.

— Вы меня работать взяли. Я должна знать, что под рукой.

Он немного помолчал.

— Сегодня разберём общий ход. На настоящем плане. До опытов.

— И номера?

— И номера.

Ника кивнула, но Дамиан не двинулся с места.

— Вы там что-нибудь чувствовали?

Она крепче сжала папку. За кухонной дверью снова загремели корзины.

— Не касалась трубы.

— Это не ответ.

Край повязки, который она только что заправила, снова выбился из-под воротника.

— В комнате ночью был звук. Мне показалось, он снизу идёт. Хотела понять, по какой ветке.

— Стук?

— Не совсем.

Она могла сказать слово. Оно стояло в книжке, с вопросительным знаком. Вместо этого Ника показала номер трубы.

Дамиан переписал его на свободный лист.

— Мастеру сразу говорите. Если повторится — дежурному. Не ищите одна.

— Потому что допуск?

— Потому что после выброса можно не заметить начало связи. В нижних ходах поток сильнее. Вы ещё не умеете его отпускать.

Это она уже знала. На улице тогда даже пальцы не смогла разжать.

Ника убрала карандаш в карман.

Возле стендов Дамиан снял с полки другой план, на плотной ткани. Мастер у окна посмотрел на них, на папку в руках Ники и сразу поднялся.

— С кухонной сверяла?

— Да.

Он раскрыл старую копию и поморщился.

— Не тот лист. Тут до перестройки. Новый в соседней папке был.

Ника положила перед ним свои карточки. Он просмотрел, отделил правильные от тех, что пришлось переделывать.

— Два часа тебе испортил. Завтра дам нормальную работу.

Дамиан подождал, пока мастер уйдёт за нужным листом, и развернул общий план.

Замок на нём был разрезан посередине. Под жилыми этажами лежали склады и служебные переходы. Ещё ниже — широкое кольцо каналов, из которого расходились городские линии.

Ника нашла кухонную лестницу.

Она не шла прямо к кольцу. Между ними оставались два уровня, несколько дверей и толстая заштрихованная стена.

— Здесь что?

— Защитная кладка.

— А за ней?

— Центральный узел. Сердце.

Она знала название с детства. Его писали на праздничных листках, произносили смотрители, когда объясняли сокращение подачи. На схеме оно оказалось маленьким прямоугольником без подробностей.

— Внутри ничего не нарисовано.

— Это распределительный план. Устройство источника отдельно.

Ника наклонилась ближе. От нижнего кольца вверх уходили три возврата. Четвёртый заканчивался на боковой отметке. Возле неё стояли две буквы.

СВ.

Дамиан заметил, куда она смотрит.

— Северный возврат. Сейчас рабочие линии начинаются с первого и третьего. Второй резервный, четвёртый снят.

— Снят совсем?

— По схеме.

— А на месте?

— В нижнем крыле я его не осматривал.

Ника расправила край ткани. Номер на мамином измерителе был выбит изнутри, и видеть его Дамиан пока не мог. Она достала книжку, открыла страницу с зарисовкой.

— Вот этот. На приборе.

Он прочёл.

— Могли закрепить за участком. Это не значит, что он работает только там.

— Я знаю. Ремм проверил.

Дамиан ещё раз посмотрел на надпись, но книжку не попросил. Ника сама перевернула страницу. Слово «ниже» осталось на предыдущем развороте.

Они разбирали схему до обеда. Вопросов оказалось больше, чем Ника ожидала. Часть Дамиан объяснял сразу, для других доставал рабочие листы. На одном месте остановился, сверил две записи и сказал, что здесь уточнит сам.

Ника отметила карандашом.

Когда план свернули, она смогла хотя бы представить, где находится её комната относительно городской сети. От этой комнаты до главного узла было далеко — по лестницам и стенам. Но медная линия на ткани соединяла их без единого разрыва.

После обеда Ника пошла к боковым воротам. Ольм нашёл для неё место на пустой телеге, которая возвращалась в нижний город за бельём. На обратный путь Агата обещала договориться с возницей: он поднимался с вечерней партией.

Дома пахло мокрым льном. Тим сидел за столом, ковырял деревянную задвижку маленьким ножом. При виде сестры сунул нож под бедро.

— Я вижу, — сказала Ника.

Он вытащил.

— Тут дерево. Не прибор.

— Тогда режь от себя.

Агата вышла из кухни с полотенцем на плече. Посмотрела, как Ника снимает пальто, как ставит сумку. Потрогала её руки и только после этого обняла.

— Ела?

— Да.

— Там что дают?

Ника рассказала про кашу с морковью. Тим спросил, есть ли в замке отдельная столовая для короля. Агата отправила его за хлебом, хотя хлеб стоял на полке.

Когда он ушёл, Ника достала выписку.

Тётя прочла её у окна, где было светлее. Водила пальцем под строками.

— То же самое, — сказала она.

— Полное дело ещё ищут.

— Пусть ищут.

Агата вернула лист. На бумаге остался чуть влажный след её большого пальца.

Ника положила его между чистыми страницами книжки.

До вечерней телеги они с Тимом поправили дверцу шкафа. Он держал петлю, она размечала отверстия: сверлить правой рукой пока было неудобно. На этот раз брат не пытался забрать у неё инструмент. Ждал, когда попросит.

Уже в замке Ника занесла дежурному время возвращения, поднялась к себе и обнаружила у двери новую папку. На ней карандашом вывели: «Кухонный переход включён. Нижние уровни обозначены красным».

Внутри лежала исправленная схема и лист с утренним временем опыта. Ника проверила маршрут от комнаты, приготовила одежду на стуле и легла. Книжку оставила на столе.

Глава 8. Под нагрузкой

У стенда стояли четыре кружки.

Ника сперва решила, что пришла не туда. Потом увидела под одной из них тканевую ленту с металлической застёжкой, а рядом — песочные часы, чистое полотенце и рабочий лист.

Дамиан сидел у окна. Держал перо правой рукой, левой придерживал край бумаги. Свободный конец повязки больше не торчал.

— Вы рано, — сказал он.

— У вас часы спешат.

Она показала на стенные. Дамиан достал свои, сверил, затем поднялся и передвинул минутную стрелку.

— Теперь нет.

В комнате было прохладно. Трубы у стены закрыли дополнительными щитками; над столом оставили только одну медную полосу. Ника поставила сумку на соседний верстак.

Из двери показался лекарь. Тот же, что смотрел её вчера. Он нёс плоскую коробку с тремя стеклянными трубочками.

— Сначала сядьте, — сказал он Нике.

Она села. Ей измерили пульс, температуру, попросили сжать пальцами деревянный шарик и отпустить. Чувствовала она себя выспавшейся, почти здоровой. В комнате с решёткой ночью ничего не происходило.

Лекарь записал результат на первом листе, потом на втором. Один оставил у себя, другой передал Дамиану.

— Начинаете с короткого касания. Между попытками даёте отдохнуть. Если уйдёт ниже этой отметки, на сегодня закончено.

Ника протянула руку к листу.

— Мне тоже покажите.

Он придвинул его ближе. Отметка была обведена красным. До неё оставалось совсем немного.

— А если я ничего не почувствую?

— На приборе всё равно увидим.

Дамиан положил ладонь на край стола.

— Но ждать отметки не нужно. Если хотите остановить, говорите. Или руку поднимите, если не получается сказать.

Лекарь сел сбоку, где было видно и её лицо, и песочные часы. Мастер у окна прикрыл дверь, перевернул табличку на наружную сторону. На ней крупно написали: «Работа с контуром. Не входить».

Дамиан показал красную рукоять под правой стороной столешницы.

— Общий съём. До упора вниз. Достанете отсюда?

Ника протянула руку. Рукоять свободно легла в ладонь.

— Достану.

Он передвинул табурет на полладони ближе. Затем раскрыл тканевую ленту. Внутри, между слоями плотного полотна, были вшиты тонкие металлические дорожки. Они сходились к застёжке и уходили в две короткие полосы, похожие на оборванные ремешки.

— На запястье, — сказал Дамиан. — Свободно, чтобы не пережимала.

Ника надела ленту сама. Он показал, где подтянуть. Одну полосу закрепили на стенде, другую — на медной ёмкости под столом.

— Защита? — спросила Ника.

— Путь для отдачи. Я буду держать его замкнутым. Если почувствуете холод, снимаем нагрузку.

Она провела пальцем вдоль ткани. На месте застёжки выступал острый угол.

— Здесь царапает.

Дамиан взял со стола кусочек мягкой подкладки, подложил под край. Проверил, можно ли просунуть палец между лентой и рукой.

— Так?

Ника согнула кисть.

— Лучше.

Он отошёл к другому краю стола.

— Сначала без прикосновения. Смотрите на полосу. На прибор пока не смотрите.

Мастер открыл подачу. На медном участке появилась тёмная полоса, поползла к верхнему краю. Ника ждала.

В прошлый раз всё случилось быстро. Она хотела вытолкнуть тепло, потому что иначе Марта оставалась за белой струёй. Теперь перед ней лежал аккуратный кусок меди, гладкий, без грязи. Вокруг стояли люди и смотрели на неё.

— Есть что-нибудь? — спросил Дамиан.

— Горячая.

— Чувствуете или видите?

Тёмное пятно не исчезало, даже когда она отводила прибор в сторону.

— Вижу.

Он отметил это в листе.

— Пальцы на край. Не сжимайте.

Ника коснулась меди двумя пальцами.

Тепло было обычным. Как от крышки чайника, который сняли с плиты, но не успели остудить. Она удерживала руку, не нажимая, пока Дамиан не сказал убрать.

Лекарь посмотрел часы.

Ничего не произошло.

Дамиан записал время. Мастер снова закрыл подачу.

— Я не умею, — сказала Ника.

— Мы ещё не просили ничего направлять.

Она посмотрела на него. Он уже проверял тканевую ленту.

В кружках оказалась вода разной температуры. Одну давали пить, другая стояла для сравнения с кожей, третью лекарь использовал, чтобы согреть собственные холодные пальцы. Четвёртая принадлежала мастеру и содержала вчерашний чай. Тот без смущения выплеснул его в ведро и налил свежего.

Ника отпила из своей. Вода была чуть сладкой.

Дамиан спросил, что она почувствовала в мастерской во время аварии. Она рассказала про трубу, про пустой бак, про то, как тепло двигалось вслед за взглядом. На этот раз слова нашлись легче: можно было показывать на стенд.

Он слушал, потом подвинул ближе две небольшие пластины. Одну соединил с нагревом, вторую — с отдельной чашей под столом.

— Отсюда сюда, — сказал он. — Совсем немного. Я отмечу начало.

Ника положила ладонь на первую пластину.

Тепло вошло под кожу. Она не давила. Попробовала представить другую пластину пустой и холодной, как тот бак. Почти сразу почувствовала стыд: сидит, разглядывает железки, а трое взрослых ждут результата.

Песок в часах пересыпался тонкой струйкой.

— Ника, — сказал Дамиан. — Вы дышать перестали.

Она выдохнула. Лекарь ничего не записал, но передвинул стул ближе.

На миг под рукой что-то сдвинулось. Не в сторону второй пластины — внутрь, к запястью. Стало горячо под лентой.

Ника подняла свободную руку.

Дамиан сразу опустил рукоять. На дальнем конце стола щёлкнуло, мастер закрыл ввод.

— Что было?

— В руку пошло. Не туда.

Она разжала ладонь. Кожу покалывало. Лекарь подставил под неё свою, проверил пальцы и приложил трубочку к сгибу локтя.

Дамиан смотрел на застёжку.

— Холодно?

— Нет. Горячо было.

Он провёл пальцем по металлической дорожке на ленте. Та оставалась тёмной.

— Связь пошла внутрь защиты. Хорошо, что остановили.

Ника ждала продолжения. Дамиан внёс две строки в лист и отодвинул пластины.

— Сегодня всё? — спросила она.

— Перерыв. Лекарь решит.

Мастер вышел за новой водой. В соседней комнате кто-то сразу спросил, получилось ли, но ответа Ника не услышала.

Она сидела, глядя на свои пальцы. Они слушались. Когда она положила ладонь на колено, холоднее не стало. Ссадина под повязкой зудела.

Лекарь снял показание.

— Ровно. Но до этого же ощущения больше не доводите. Ещё одно короткое касание, если хотите. Не хотите — завтра.

Две пластины лежали рядом. На первой ещё оставался след от её пальцев.

— Хочу.

Дамиан проверил крепления. На этот раз поставил их ближе друг к другу. Между ними положил тонкую медную перемычку.

— Не надо проталкивать через всё пространство. Попробуйте только до края. Дальше контур заберёт.

— Вода через неё не идёт?

— Нет. Только тепло.

Ника наклонилась посмотреть на соединение. Мастер молча придвинул лампу.

Она знала, что перемычка нагреется и без неё. Обычная медь. Значит, надо было увидеть разницу между тем, как тепло проходит само, и тем, что произошло в аварии.

Ника приложила материнский измеритель к свободному воротнику. Дамиан поднял голову.

— Своим удобнее?

— На нём стрелку лучше видно.

Он передвинул рабочий прибор так, чтобы тот не загораживал её окошко.

Мастер пустил нагрев. Дамиан перевернул часы.

Ника коснулась пластины.

На этот раз она смотрела не на холодный конец. На крошечный зазор между металлом и подкладкой. Там тепло задерживалось; чувствовалось кожей, как мокрый край рукава, который никак не просыхает.

Она чуть сдвинула пальцы.

Застёжка тихо щёлкнула.

Стрелка измерителя пошла вправо быстрее. На второй пластине проступило светлое пятно. Вода в чаше под столом дрогнула, и на её поверхности появилась тонкая струйка пара.

— Есть, — сказал мастер.

Ника убрала руку.

Пятно остановилось. Дамиан снял подачу, не давая меди прогреться дальше. В комнате стало слышно, как за стеной скребут лопатой по камню.

Лекарь взял Нику за запястье.

Она ждала холода. Смотрела на свои ногти, на белую ленту. Кисть была тёплой.

— Долго? — спросила она.

— Несколько ударов, — ответил Дамиан. — Достаточно.

Он сверил оба прибора и записал показания. Потом развернул лист к ней.

До красной отметки оставалось почти столько же, сколько в начале.

Ника провела пальцем под последней строкой, стараясь не задеть чернила.

— Ещё раз?

— Нет, — сказал лекарь.

Она подняла на него глаза.

— На сегодня нет. Вам нужно поесть и отдохнуть. Посмотрим, что будет через час.

Ника хотела возразить, но мастер уже сливал воду из чаши. Дамиан снял с неё защитную ленту. Под краем осталась красная вмятина.

— Царапает ещё?

— Уже нет.

Он повернул застёжку, посмотрел на острый угол и отложил ленту отдельно от остальных вещей.

Через час температура осталась прежней. После обеда тоже. Ника получила копию рабочего листа с двумя неудачными попытками и одной удачной. Сначала хотела переписать только последнюю строку, потом оставила всё.

Остаток дня прошёл за обычной работой. Она сверяла размеры муфт, переносила на чистые карточки утренние пометки, разбиралась в обозначениях. Дамиан то уходил, то возвращался, оставляя у себя на столе раскрытую папку. Ника не подходила. Видела только край страницы с фамилиями и несколькими красными вопросительными знаками.

Перед ужином мастер принёс ту самую ленту. Острый край спилили, подкладку подшили толстой ниткой.

— Проверишь утром, — сказал он. — Если опять трёт, переделаем.

Ника повесила её на крючок возле своего места.

Вечером она написала домой. Не могла решить, кому адресовать: Агата прочтёт Тиму вслух, а Тим начнёт задавать вопросы про пластины. В конце написала обоим. Рассказала, что работала с небольшим нагревом, ничего не обожгла, холода не было. Потом добавила, что еду здесь выдают трижды в день. Эту строку Агата наверняка прочтёт два раза.

Про лестницу не написала.

На следующий день Нике разрешили выйти к малому действующему контуру. Он питал умывальные комнаты служебного крыла. С утра их закрыли для проверки, вывесив на обеих дверях таблички. За ними кто-то недовольно дёргал ручку, пока Ольм не объяснил, куда теперь идти.

Стенда здесь не было. Только низкий ход под лестницей, нагретая труба и маленькая ниша, куда едва помещались двое.

— Сюда, — сказала Ника.

Дамиан посмотрел на табурет, который она пододвинула ему. Вместо ответа снял верхний кожух и поставил на пол.

Она села на нижнюю ступеньку. Папку положила на колени. Лента уже была на запястье, провод защиты закрепили на отводе к охлаждающему баку.

— Сегодня ничего не направляете, — сказал Дамиан. — Только чувствуете и сравниваете с прибором. Если рука немеет, сразу снимаем.

— Я помню.

— Сказать всё равно должен.

Он проверил крепления и взялся за скобу. На её краях зажёгся слабый белый свет.

Ника прикоснулась к трубе.

Сначала почувствовала её поверхность: шероховатую после чистки, тёплую, с небольшой вмятиной возле крепления. Потом — ход тепла. Непрерывный, плотный. Он проходил мимо, и ей хотелось сдвинуть ладонь вслед, как поворачивают голову за уходящим человеком.

Она удержала руку на месте.

— Куда? — спросил Дамиан.

Ника показала свободной рукой.

Он посмотрел на прибор, кивнул мастеру у ввода. Тот отметил время.

Поток стал слабее. Потом снова набрал силу.

— Два раза, — сказала Ника.

Дамиан не ответил. Следил за полосой на пластине.

— Здесь два толчка. Второй слабее.

Мастер наклонился к своему прибору.

— На этом ровно.

Дамиан попросил выждать. Ника сосчитала семь вдохов. На восьмом тепло под ладонью дёрнулось обратно — так мало, что она едва не решила, будто дрогнули собственные пальцы.

— Сейчас назад.

Материнский измеритель щёлкнул. Стрелка ушла к середине и сразу вернулась.

Дамиан поднял глаза на мастера.

Тот уже записывал.

— Ещё один замер, — сказал Дамиан Нике. — Если можете.

Она проверила себя: пальцы тёплые, в голове ясно. Кивнула.

На этот раз считала вслух. Восьмой вдох — и опять движение назад. Дамиан отметил момент на пластине, затем велел снять нагрузку.

Когда Ника убрала руку, труба осталась нагретой. Никакого холода не последовало. Но у самой стены ей почудилось тяжёлое, растянутое дыхание — не звук, скорее ритм, который рука ещё помнила.

Она сжала и разжала пальцы.

— Всё? — спросил мастер.

— Здесь да, — ответил Дамиан. — На соседней ветке проверим без проводника.

Ника поднялась со ступеньки. Колено затекло; она распрямила его, держась за перила. Дамиан подождал, пока она отойдёт, и только потом убрал табурет.

В рабочей комнате он разложил три пластины. Две со вчерашних обычных проверок, одну сегодняшнюю. Поднёс к свету.

Ника увидела едва заметный излом тёмной полосы.

— На остальных тоже есть?

— Есть. Слабее. Раньше списывали на местный возврат.

— А теперь?

Он поставил рядом её лист с восемью отметками.

— Теперь проверим, совпадает ли время на других ветках.

Она достала общий план. Дамиан развернул его, придавил угол кружкой. Ника нашла умывальный отвод и повела пальцем вниз, к соединению с кольцом.

— Если там даёт обратно, здесь тоже должно быть.

— Должно.

— И в моей комнате.

Он поднял голову.

Ника достала книжку. Перед тем как положить на стол, разгладила угол страницы. Рядом с ночным временем стояло слово, которое она так и не решилась зачеркнуть.

Дамиан прочёл. Не протянул руки, не взял книжку ближе.

— Это тот звук, о котором вы говорили?

— Слово услышали?

— Показалось, что слово.

Он ещё раз посмотрел на запись. В коридоре за дверью кто-то громко позвал мастера. Дамиан не обернулся.

— В колодце тоже было, — сказала Ника. — До разрыва. Одно слово. Я сначала подумала, кто-то за стеной.

— Какое?

— «Хватит».

Она ждала, что он пошлёт за лекарем. Или спросит, не снилось ли. Дамиан вернул взгляд к сегодняшней пластине.

— И больше ничего?

— Нет.

Он провёл большим пальцем по краю стола.

— Я доложу отцу. Сам без разрешения ниже не поведу. Но это надо проверить на главном кольце.

— Когда?

— Сначала сопоставим пластины. Я не хочу вести вас туда, пока не знаю, что именно приходит обратно.

Ника закрыла книжку.

— Если я ещё услышу?

— Снимите руку. Запишите время. И зовите дежурного. Он знает, где меня искать.

— Даже ночью?

— Да.

Дамиан вытащил чистый лист и переписал номера веток. Потом остановился.

— Можно вашу запись скопировать?

Ника снова открыла книжку, положила перед ним. Он переписал только время и два слова. Рисунок дверной петли для Тима остался на соседней странице.

До вечера они собирали пластины. По одной приносили из верхнего крыла, кухни, приёмных комнат. Часть оказалась непригодной для сравнения: разные часы, разная длительность. Дамиан складывал их отдельно, не пытаясь втиснуть в общий ряд.

Мастер ругался, что придётся повторять. Ника разлиновала новые карточки, оставив широкую графу под точное время.

К ужину стало ясно лишь одно: короткий обратный толчок появлялся на нескольких ветках, разделённых этажами. На всех сегодняшних совпадал промежуток. До главного кольца проверить не успели.

Дамиан свернул план. Ника собрала свои листы, положила поверх прибор.

— Завтра здесь же? — спросила она.

— Сначала у лекаря. Потом здесь.

Он поднял взгляд от бумаг.

— Вам удалось отпустить самой. На стенде.

Лента по-прежнему лежала у сумки; её конец успел скрутиться в тугой жгут.

— Вы сразу сняли подачу.

— Когда вы дали знак.

Она убрала ленту в отдельный карман. Острый край подкладки больше не цеплялся за кожу. В столовой Ника взяла не только кашу, но и вторую порцию хлеба — на случай, если опять проспит ужин.

Глава 9. Сердце

Лекарь разрешил работать двадцать минут. Дамиан вычеркнул из разрешения последние десять.

— Там не стенд, — сказал он, заметив Никин взгляд. — Если всё пройдёт спокойно, в следующий раз увеличим.

Ника стояла у двери, застёгивая ремень сумки. Рано утром она успела собрать листы с замерами, поесть и проверить, не пришёл ли ответ из описи. Не пришёл. Зато в рабочей комнате её ждал пропуск с новой строкой: «Нижнее распределительное кольцо. С сопровождающим».

Чернила ещё пахли свежим лаком. Под строкой стояла подпись Элиаса Рейна.

— Вы ему про голос сказали?

— Да.

Дамиан разложил на столе короткие скобы. Выбрал две, проверил крепления. Рядом лежали три пластины, исписанные по краям. Ника узнала вчерашнюю отметку, которую сама помогла поставить.

— На главном тоже есть? — спросила она.

Он подвинул к ней верхнюю пластину. Тёмная линия шла ровно, потом ненадолго проседала и возвращалась. Чуть дальше — снова.

— Отсюда приходит. Теперь нужно понять, на каком соединении снимается лишнее.

На разрешении стоял перечень работ. Ощупывание действующего соединения в него не входило.

— Это я могу только почувствовать. А если опять потянется?

— Сначала проверим через отвод. Если связь начнётся сама, сразу остановим. Дальше не пойдём.

Он взял со спинки стула свою куртку, ту, в которой работал возле стенда. На внутренней стороне левого рукава пришили широкую накладку. Ника заметила стежки: неровные, слишком крупные для тонкой ткани.

— Сами?

Дамиан проследил её взгляд.

— У кого время было.

Он застегнулся. Ника подняла сумку.

Пошли другой дорогой, мимо комнат приёмной и длинного коридора без окон. У лестницы их встретил старший караульный. На подбородке у него белел шрам, через который не росла щетина.

— Вель? — спросил он.

Ника показала пропуск.

Он прочёл обе стороны, сравнил подпись с отдельным листом. Потом поднял глаза на Дамиана.

— На кольцо, без внутреннего входа.

— Знаю.

— Если изменится, через меня.

Караульный сделал запись и вернул пропуск.

— Северин, — сказал он Нике. — Дежурных ищите здесь. Не по проходам. Позвоните — сами придут.

Он показал на шнур под медным колпачком. Ника задержала взгляд на звонке: до этого дежурных приходилось искать по всему замку.

За первой дверью пахло камнем и влажной известью. Лестница шла широкими ступенями, с площадками через каждые полпролёта. Ника ждала, что снизу потянет жаром. Вместо этого становилось прохладнее.

Стены были толстыми. В них, за железными ставнями, проходили каналы. На каждой ставне два запора, возле нижнего — белая черта. Дамиан проверял её взглядом, не останавливаясь.

На втором уровне они прошли мимо ремонтной комнаты. Кто-то в глубине кашлял. На верстаке лежала груда колец, похожих на те, что Дамиан устанавливал у Прачечного переулка, но каждое было размером с колесо телеги.

Ника замедлила шаг.

— Здесь все узлы так держат?

— Эти сняты. На замену.

За дверью она увидела три стула, чайник и чью-то рубашку, сушившуюся на верёвке. Дальше коридор поворачивал, и рабочая комната исчезла.

Они остановились у следующего поста. Дамиан снова показал бумаги. Попросил проверить, готов ли боковой отвод.

Пока ждали, Ника прислонилась к стене. Здесь глухо гудело, как в пустой бочке под дождём. Она опустила руку к сумке, не касаясь ни труб, ни запоров.

— Слышите? — спросил Дамиан.

— Гул.

— Его все слышат. Так держится нижний пояс.

Дверь открылась. Вышла седая женщина с коротко остриженными волосами. На её переднике виднелись прожжённые дырочки. Она посмотрела на Нику, потом на разрешение, которое протянул Дамиан.

— Отвод остужен. Стол готов. По времени сама слежу.

Внутри оказалось светло. Под потолком горели закрытые лампы; у каждой отдельный канал подачи. Кольцо, которое Ника до сих пор видела только на плане, проходило вдоль круглой стены. В действительности оно состояло из нескольких толстых магистралей, разделённых каменными опорами. Между ними стояли приборы, на полу тянулись узкие белые полосы.

Посредине зала возвышалась ещё одна стена, выше человеческого роста. Круглая, без окон. В ней были две тяжёлые двери, перед которыми оставили свободное пространство. Ни ящиков, ни вёдер, ни стульев.

Женщина провела Нику к небольшому столу у бокового отвода. На столе уже лежали часы и лист для записи.

— Сумку сюда. К стене не ставьте.

Ника сняла ремень с плеча. Измеритель приложила к свободному воротнику у края стола — проверить, будет ли стрелка идти так же, как на верхних ветках.

За левой дверью в центральной стене что-то передвинулось. Гул на мгновение стал ниже. Женщина подняла голову и посмотрела на длинный прибор над входом.

— Две отметки с утра, — сказала она Дамиану. — Отец знает.

Он кивнул, проверил скобу на боковой трубе.

На Никино запястье надели ленту. Вторая, широкая, осталась у женщины в руках.

— Это если придётся снимать вас со связи, — объяснил Дамиан. — Надеюсь, не понадобится.

Широкий ремень лежал у самого края стола. Ника вспомнила, как Дамиан отрывал её пальцы от патрубка по одному.

— Лучше положите так, чтобы достать можно было.

Женщина положила на край стола.

Дамиан закрепил защиту. Ника уселась, попробовала, удобно ли отдёрнуть руку. Удобно. Металл под пальцами был едва тёплым.

— Ничего направлять не нужно, — сказал он.

Она кивнула.

Сначала почувствовала плотный ровный ход. Очень сильный, хотя отвод, по словам женщины, был остужен. Под поверхностью будто проходило что-то огромное. Когда Ника попыталась сосредоточиться на отдельном участке, ощущение распалось на несколько движений: одно шло в город, другое возвращалось, третье едва задевало ладонь.

Она показала направление карандашом в свободной руке.

Женщина сделала отметку.

Потом пришли два знакомых толчка.

Ника перестала смотреть на трубу. На плане они лежали на расстоянии двух этажей от её комнаты. Здесь между ладонью и ними почти не осталось ничего.

— Сейчас назад, — сказала она.

Женщина наклонилась к прибору.

Тепло дёрнулось. Под лентой стало прохладнее. Ника сразу подняла руку.

Дамиан замкнул скобу и снял подачу.

Тишина после этого была неполной: общий гул остался, а в Никиной ладони продолжало покалывать. Она подвинула к себе кружку.

— Всё, — сказала женщина, глядя на часы. — Пока хватит.

Ника растёрла пальцы о ткань юбки. Голоса не было.

Дамиан и женщина сравнили показания. На длинном приборе над внутренней дверью медленно опускалась стрелка. Ника следила за ней, пока не поняла: она идёт в ту сторону, где пустая часть шкалы перечёркнута красным.

Женщина тоже посмотрела вверх.

— Раньше, — сказала она.

Дамиан уже подошёл к пульту у центральной стены. Повернул два кольца, дождался, пока между ними проступит белая линия.

Под полом что-то глухо ударило.

Ника встала, отодвинув табурет. Женщина сняла с её запястья ленту.

— Сюда. За стол.

Ника перешла. Ощущение в ладони исчезло. Но низкий звук из-за стены стал отчётливее; он то поднимался, то оседал, и каждый раз на пульте вспыхивала одна из белых черт.

Дамиан дёрнул сигнальный шнур.

— Западный сброс. Первая ступень.

Из медной трубки над пультом отозвались. Ника впервые поняла, что здесь можно говорить между комнатами.

Черта на шкале перестала двигаться.

Женщина облегчённо выдохнула, но почти сразу сжала губы: на стыке у внутренней двери проступил пар.

— Задний, — сказала она. — Защита уходит в передний.

Дамиан посмотрел на два кольца. Под левым светилась одна полоса, под правым — три.

Он замкнул правое ладонью. Ника увидела, как натянулся на предплечье рукав.

В боковую дверь вошли двое. Один подхватил свободную скобу, другой пошёл к западной опоре.

Ника стояла там, где ей велели. Тот, что вошёл последним, показал ей на выход. Она взяла сумку.

Под пальцами на ремне снова толкнулось.

Кожа была холодной. Откуда?

Ника разжала руку. Сумка упала на край стола. Возле пряжки лежал материнский измеритель — она так и оставила его у воротника, под выступающим краем отвода. Застёжка ремня прижала корпус к её ладони.

Стрелка дрожала у левого края.

— Не туда, — сказала Ника.

Дамиан не обернулся.

— Выходите.

Она смотрела на две полосы защиты. Левый прибор показывал меньшую нагрузку, но толчок приходил оттуда. Тепло шло поперёк соединения, сквозь кладку, минуя рабочую магистраль.

Ника убрала ладонь с прибора. Ощущение тут же ослабло.

— Левый. Там ход поперёк. Как у меня в промывочной.

Женщина у западной опоры подняла голову.

Дамиан посмотрел на измеритель. Потом на внутреннюю дверь.

— Передний оставьте, — сказал он вошедшему мастеру. — Снимаем задний.

— Там внутри…

— Знаю. Выводите на первую. Сейчас.

Он переложил скобу. Белая полоса пересекла пульт. На мгновение в зале стало тихо даже под полом.

Из-за центральной двери послышался скрежет.

Дамиан повернулся к Нике.

— Теперь на выход.

Она шагнула вбок. Тот, кто стоял у двери, открыл её, пропуская мастера с новой пластиной. Поток воздуха шевельнул висящую на крючке тряпку.

А потом за спиной Ники раздался другой звук.

Внутреннюю дверь открывали.

Сначала ей показалось, что там тёмная стена, обшитая неровными металлическими пластинами. На одной горела тонкая оранжевая трещина. Дальше — ещё. Между ними медленно расходился свет.

Ника остановилась.

Тёмная поверхность сдвинулась. Пластины легли друг на друга, и она поняла, что они не прибиты: у каждой был свой край, жёсткий, выпуклый. Чешуя.

В глубине зала лежала голова.

Она была больше повозки, которая привезла Нику в замок. Нижняя челюсть упиралась в каменный уступ. От виска уходил назад рог, обломанный на самом конце. Вокруг шеи стояло толстое кольцо. Несколько его креплений исчезали прямо в тёмной коже.

Ника не смогла вдохнуть.

Голова повернулась к двери. Едва заметно, но этого хватило: цепь за ней натянулась, поднялась над полом и опустилась снова.

Открылся глаз.

Янтарный. Зрачок сжался, словно свет из наружного зала был слишком ярким.

Ника смотрела на него, а за краем двери постепенно различала остальное: выгнутую спину, складку крыла, тяжёлую лапу. Часть крыла придавливала каменная арка. От тела уходили медные полосы — те самые каналы, возле которых она столько раз стояла на работе.

Что-то коснулось её пальцев.

Ника не заметила, как взялась за поручень. По нему шёл жар. Ни ленты, ни защитной скобы на руке больше не было.

— Открой.

Слово ударило в ладонь и поднялось до локтя. Ника согнулась, удерживая его внутри, как удерживают крик, когда в соседней комнате спят.

— Контур.

Дамиан закрыл её руку своей — через сложенную ткань, не позволяя коже снова лечь на железо.

Ника отдёрнула пальцы. Глаз исчез за дверью. Та закрылась не сразу: кому-то внутри пришлось оттащить с пути кусок цепи.

Ника осталась смотреть на щель, пока створки не сошлись.

Она знала драконов по изображениям. Нарисованных на вывесках, выбитых на монетах, вырезанных из дерева. У деревянного, которого Тим когда-то получил на ярмарке, хвост был длиннее туловища. Он постоянно отламывался.

За этой дверью ноготь на одной лапе был длиннее Никиной руки.

— Сядьте, — сказал Дамиан.

Она не села.

В зал вернулся гул. Стрелка над дверью поднялась на два деления. Женщина у пульта записывала время, прижав бумагу локтем. Один из мастеров опустился на корточки и принялся собирать инструменты.

Все знали.

Ника повернулась к Дамиану. Он держал её сумку. Даже этого она не заметила.

— Он там живой.

Дамиан не ответил сразу. Сумка в его руках опустилась почти до пола.

— Вы знали.

— Да.

Она взяла сумку из его рук. Ремень перекрутился, но расправлять его она не стала.

— Вверх, — сказал он. — Здесь сейчас закончат настройку. Вам нужен лекарь.

— Мне нужен ответ.

Он посмотрел на закрытую дверь.

— Я объясню.

— Тогда здесь.

Женщина у стола подняла голову.

— У неё дрожь. Сначала наверх.

Только тогда Ника заметила, как ходит край её сумки. Пальцы сжимали ремень всё сильнее, не удерживая его на месте.

Дамиан принёс защитную ленту, положил поверх своих бумаг.

— Я пойду с вами. Если не хотите, чтобы я рядом шёл, Северина позову.

Ника помолчала, потом двинулась к выходу.

У второго поста её пропуск проверили снова. Северин прочёл добавленную Дамианом строку, посмотрел на Нику и перестал листать книгу. Вместо вопросов придвинул ей стул.

Она села. Колено пульсировало, будто внутри ещё лежала холодная вода.

За стеной гудело Сердце.

— Он попросил открыть, — сказала Ника.

Дамиан перестал складывать листы.

— Что именно?

Она подняла на него глаза.

— Контур. Вы сами это слышали?

Дамиан покачал головой.

На запоре железной двери, через которую они только что вышли, белела ровная черта. Ни скола, ни трещины.

Она спрятала руки в рукава, чтобы больше ничего не касаться.

Глава 10. Условия молчания

Дамиан объяснял, пока лекарь считал Нике пульс.

— Когда-то он согласился помогать городу пережить зиму, — сказал Дамиан. — Так записано в первом договоре. Опоры не дают ему сдвинуться и повредить сеть, кольца распределяют жар. Но самого договора мне не показывали целиком.

Ника слушала, глядя на запястье. Лекарь держал его так осторожно, словно там мог остаться ожог.

— А цепь? — спросила она.

Дамиан замолчал.

— Тоже распределяет?

— Страхует при выбросах.

Лекарь отпустил руку, вписал число в рабочий лист.

— Ниже, чем утром. Сегодня никакой работы.

— Я не работаю.

— Тогда разговора на час тоже не надо. Десять минут, потом в комнату.

Он вышел за питьём. Дамиан стоял возле окна. Сел только после того, как Ника попросила: смотреть на него снизу было неудобно.

— Вы говорили, я буду искать, куда уходит тепло.

— Ищете.

— У него.

— Зачем вы вчера спрашивали, какие слова я слышала? Вы знали, кто говорит.

— Не знал, что он может говорить с вами. И что голос вообще проходит по сети до верхних этажей. Отец никогда не разрешал проверять эту часть контура.

— Но предположили.

Дамиан положил руки на колени. На повязке темнело маленькое пятно: пока держал скобу, ткань снова натёрла кожу.

— Да.

Ника отодвинула кружку, к которой так и не притронулась.

— Я ведь могла отказаться.

— Могли.

— Не зная от чего.

Он посмотрел на неё, потом опустил глаза к своим рукам.

Вошёл лекарь. Поставил новую чашку, велел старую убрать. Спросил, не кружится ли голова. Ника ответила, что нет. Лекарь подождал, пока она встанет, и только тогда позволил выйти.

Дамиан поднялся следом.

— Я буду в рабочей комнате. Если захотите ещё спросить.

— Копию сегодняшних показаний принесите.

— Принесу.

До своей двери Ника шла одна. На повороте пришлось посторониться: двое несли длинную раму, обёрнутую мешковиной. Один попросил придержать дверь. Ника потянулась к ручке, остановилась.

— Не могу.

Мужчина посмотрел на её руки и извинился.

У себя она сняла кофту, снова надела. В комнате было тепло, но плечи никак не отпускало. Положила на стол пропуск, сумку, прибор. Расправила перекрученный ремень.

В шкафу висело её пальто. До боковых ворот можно было дойти без лестниц, если обогнуть галерею. Ольм знал, кто едет в нижний город. В условиях службы стояла её собственная поправка.

Ника достала копию и развернула.

«По желанию служащего».

Чернила не изменились. Бумага была та же, которую она читала в лечебнице с Агатой.

На столе возле неё лежал сегодняшний пропуск. Под новой строкой — время спуска и подъёма, две подписи. Между ними Ника провела у кольца меньше четверти часа. Не было даже строчки о том, что она увидела.

Постучали.

Ника вздрогнула, задела кружку локтем. Вода разлилась на столе, дошла до копии условий. Она подняла лист, стряхнула капли.

— Кто?

— Ольм. Обед принёс.

Он поставил поднос на край стола, не спрашивая разрешения на разговор. В комнате сразу запахло супом и печёным луком. Ника только теперь поняла, как голодна.

— Лекарь велел здесь поесть, — сказал Ольм. — Посуду в коридор не выставляйте. Увижу — заберу.

— Повозки в город сегодня будут?

Он немного помедлил.

— До смены караула две. Вы домой?

— Пока спрашиваю.

— Тогда скажите заранее. На муку к вам не сядешь. Бельевая к четырём пойдёт.

Он оставил ей сухую тряпку. На воду на столе уже успел посмотреть.

Ника поела. Суп оказался горячим, пришлось ждать, хотя хотелось проглотить всё сразу. Потом она тщательно вытерла стол, разложила бумаги сушиться и написала в книжке: «Живой. Движение. Шея в кольце. Крепления в коже». Подумала и добавила: «Попросил открыть контур».

На следующей строке записала вопросы. Их получилось семь.

Элиас принял её после обеда. За ней прислали помощника, но Ника сначала дождалась лекаря. Тот проверил температуру, выслушал, сколько идти, и разрешил — при условии, что назад она вернётся отдыхать.

На этот раз Агаты не было. Ника вошла в кабинет сама, держа книжку перед собой.

На стене висела карта долины. Вейр на ней выглядел светлым пятном среди гор. Дальше к востоку тянулась дорога, перечёркнутая несколькими зимними отметками.

Элиас отложил письмо. Указал на кресло, но Ника выбрала простой стул возле стола.

Дамиан стоял у шкафа с папками. При её появлении закрыл одну из дверец.

— Как самочувствие? — спросил Элиас.

— Лекарь пустил.

— Я видел заключение. Следующий спуск будет после дополнительного осмотра.

Ника раскрыла книжку.

— Следующего я пока не обещала.

Элиас кивнул.

— Сегодня вам не должны были открывать внутренний зал. Но настройка потребовала снять переднюю защиту, и пришлось развести створки. Это не меняет того, что разговор с вами откладывать больше нельзя.

— А раньше можно было?

— Можно было сообщить постепенно. Я предпочёл бы сначала удостовериться, что связь не повредит вам.

Ника провела ногтем по краю страницы.

— Я уже там была. Уже повредила, в промывочной.

— Это верно.

Она ожидала возражения. Элиас вместо этого подвинул к ней папку.

— Здесь то, что мы можем показать о нынешнем состоянии источника. Вам разрешён доступ к рабочим замерам, но сведения о его природе не должны выйти за пределы службы.

— Почему?

— Потому что город зависит от живого существа, состояние которого ухудшается. Представьте, что завтра об этом объявят на площади.

Ника представила Рут, хозяйку постоялого двора, Агату у холодного утюга. Потом представила человека, который за двенадцать серебряных продал жильцам опасный отвод.

— Начнут запасаться, — сказала она. — Цены поднимут.

— И открывать каналы без очереди. Уезжать по дороге, которую уже заносит. Искать виноватых. Пожар в одном квартале мы можем погасить. Если пять улиц одновременно полезут в сеть, исправлять будет некому.

Он говорил спокойно. На карте за его плечом почти весь город помещался под её ладонью.

— Это повод не говорить, что ему плохо, — сказала Ника. — А почему никто не знает, что он вообще есть?

Элиас взял со стола маленькое кольцо и повернул в пальцах.

— Давно установленный порядок. Известно тем, кто непосредственно обслуживает источник. Большая часть работников имеет дело с распределением, и им этого достаточно.

— Мне недостаточно.

— Поэтому вы здесь.

Ника придвинула папку к краю стола, не размыкая завязок.

— Он может уйти?

Дамиан у шкафа чуть повернул голову.

— Сейчас — нет, — ответил Элиас. — Слишком большая нагрузка. Освободить его без подготовки значит разрушить то, что греет Вейр.

— А если подготовить?

— Для этого нам нужно понимать, почему он теряет тепло и куда направляет обратный поток. Возможно, пытается снять с себя часть нагрузки. Возможно, нарушена сама связь. Ваши ощущения дают сведения, которых у нас раньше не было.

Ника перевернула страницу книжки.

— Договор был добровольный?

— По сохранившимся записям — да. Дракон пришёл к людям сам. У долины была зима, после которой здесь почти никого не осталось. Первые хранители построили сеть вокруг источника его пламени.

— А цепи поставили потом?

— Крепления усиливали по мере роста города. Мы отвечаем за нынешнюю систему, не за все решения, принятые до нас.

Она хотела спросить ещё, но Элиас положил кольцо на стол. Дал ей договорить взглядом, не подсказывая следующего вопроса.

— Как его зовут?

— Арден. Так записано в ранних реестрах.

Ника повторила имя про себя. Оно не походило на название механизма.

— С ним разговаривают?

— Отдельные проводники слышали его в прямой связи. Последние десятилетия подтверждённых случаев почти нет. Устойчивого ответа не получали.

— И вы хотели проверить на мне.

— Мы проверяли вашу способность. Теперь знаем, что она позволяет услышать источник. До сегодняшнего дня это было предположение.

Ника перевела взгляд на Дамиана. Тот не отвёл глаз.

— Вы тоже так считаете?

Он подошёл к столу.

— Я знал, что источник живой. Не знал, сможет ли он вас слышать. После вашей записи подозревал связь. Должен был сказать, прежде чем вести вниз.

Элиас посмотрел на сына, но не вмешался.

Ника закрыла книжку пальцем на нужной странице.

— И если я уйду?

— Условия сохраняются, — ответил Элиас. — Вы получите оплату и продолжите наблюдаться у лекаря. Но о том, что видели, рассказывать нельзя.

— Мне надо домой объяснить, чем я здесь занимаюсь.

— Обследованием главного источника. Это правда.

Элиас подождал ответа, затем сам раскрыл папку. Ника оставила руки на коленях.

Внутри лежал отдельный лист с правилами обращения со сведениями. Разглашение устройства центрального узла, схем защиты, природы источника запрещалось. Срок не указали.

Она прочла всё до конца.

— Это ещё один договор?

— Обязательство о неразглашении служебных сведений.

— Магическое?

— Нет. Обычное. Печать управления и подпись.

— А магические как делают?

Дамиан ответил раньше отца:

— В замкнутом действующем контуре. Обе стороны должны понимать, что принимают, и согласиться. Если рядом с контуром что-то обещаете, сначала уточняйте, связывает ли это вас.

Из-под рукава Дамиана выглядывала белая кромка повязки.

— То есть если я здесь скажу «согласна», ничего не случится?

— Здесь нет действующего контура, — сказал Элиас. — И согласия на магический договор у вас никто не просит.

Она подвинула лист обратно.

— Мне нужна копия. И я хочу прочитать спокойно.

— Разумеется.

— До подписи вниз не поведёте?

— Не поведём.

Ника встала, не притронувшись к лежавшему перед ней перу. Элиас поднялся следом.

— Если решите остаться, назначим контакт через малую линию. Никакого прямого отбора. Нам нужно задать ему вопросы и понять ответы.

Она остановилась у двери.

— А если он опять попросит открыть?

Элиас не сразу ответил.

— Тогда выясним, что именно он хочет изменить. Не выполняйте просьбу, смысла которой не понимаете.

В коридоре Дамиан догнал её у окна.

— Ваши замеры, — сказал он и протянул два листа. — До связи и после. Отдельно отметили касание поручня.

Ника взяла бумаги. Внизу стояли время и фамилия старшей смены.

— Почему он со мной говорит?

— Не знаю.

— Значит, и у вас нет ответа.

Дамиан остановился. Ника прошла ещё два шага, потом тоже остановилась.

— Я злюсь, — сказала она. — Не надо сейчас объяснять, что это для города.

— Не буду.

Она посмотрела на бумаги. Ни слова о глазе, который открылся в темноте. О цепи. Всё это умещалось в одной отметке: «Внеплановая связь. Снята сопровождающим».

— Если я решу остаться, сначала покажете всё, к чему мне придётся прикасаться.

— Покажу. Куда не смогу пустить, скажу заранее.

Ника сложила листы. Рабочие показания, правила и книжка едва уместились у неё под мышкой. Дамиан потянулся открыть перед ней дверь и отступил, пропуская.

В комнате она положила всё на стол. Написала Агате короткую записку: работа продолжилась на главном источнике, пришлось остановиться, лекарь следит. Прочла. Скомкала.

На чистом листе написала, что с ней всё в порядке, завтра пришлёт подробности. Хотела добавить «волноваться не надо», но не стала.

До вечера перечитывала правила. Потом сходила к Ирме уточнить одну формулировку — о том, какие записи ей разрешено хранить у себя. Ирма отложила иглу, прочла пункт и велела спросить составителя: разные допуски под одну строку подводить нельзя.

Ника вернулась в приёмную. Помощник Элиаса вынес дополнение: свои рабочие копии она сохраняла, передавать посторонним не могла. Она попросила вписать это в оба экземпляра.

Подписала уже при свече, после ужина. Тем же пером, которым обычно заполняла заявку на накладки. Ничего не засветилось, не потянуло руку. Помощник подул на чернила и приложил печать.

— Продолжаете службу? — спросил он.

В строке о сроке службы оставалось шесть дней.

— Пока в пределах срока, который у меня есть.

Он записал.

В книжке она перечеркнула только один вопрос из семи: «Имя?» Рядом написала «Арден». Остальные оставила.

Глава 11. Отпечаток

На новом плане внутренний зал был нарисован целиком.

Дамиан развернул его на столе и придавил угол коробкой с мелом. На краю листа теснились исправления; некоторые сделали совсем недавно, поверх старых линий. Тело дракона обозначили серой тушью. Крылья сложили вдоль спины, шею уложили на каменную опору. У каждого крепления стоял номер.

Ника поставила рядом кружку так, чтобы вода не попала на бумагу.

— Он всегда так лежит?

— Голову может поднять. Лапы двигаются в пределах опор. Крылья не раскрывает.

Она вспомнила арку, придавившую тёмную складку.

— Совсем?

— Там нет места.

Дамиан не стал показывать, насколько широко могли бы раскрыться крылья. Ника сама посмотрела на масштаб и отодвинула ладонь от листа.

За окном подметали двор. Метла шуршала по мокрому камню, временами задевая железный обод колеса. Из комнаты к улице вела тонкая тёплая труба. Она проходила под подоконником, опускалась за столом и уходила в стену. Ника перестала замечать её только вчера; сегодня замечала снова.

— Где я буду?

Дамиан показал боковую площадку, отделённую от основного зала.

— Здесь. Через малую линию. Между вами и источником два съёма. У старшей смены один, у меня второй. Вы можете сами прервать касание.

— Его я увижу?

— Через смотровую щель. Полностью дверь открывать не будут.

— Он меня увидит?

Дамиан посмотрел на план.

— Зависит от положения головы. Площадка чуть выше опоры.

Ника положила палец на серый изгиб шеи.

— Значит, поставим стул так, чтобы увидел.

Он помедлил, затем сделал отметку карандашом.

Лекарь дал разрешение после осмотра. Не на работу с потоком — на короткую попытку связи. Возле подписи приписал: «При первом ознобе прекратить». Ника прочла и показала Дамиану.

Тот кивнул.

Спускались втроём: с ними шёл помощник Элиаса. Папку держал подмышкой, на лестнице старался не отставать. У второго поста Северин потребовал отдельное разрешение на внутреннюю площадку. Проверил печать и только потом передал бумаги дежурному.

— При мне выход отмечаете все трое, — сказал он. — Даже если кто-то раньше.

Сегодня на нижнем кольце было тише. Не бегали с инструментами, не держали скобы руками. Двое сидели возле приборов, седая женщина перебирала длинную цепочку с метками. Увидев Нику, убрала её в ящик.

— Сюда проходите. Сумку можно оставить на столе.

Ника вынула измеритель и книжку, остальное положила под стул. Дамиан проверил малую линию. Это была медная полоса на каменной подставке, с плоским участком под ладонь. Один конец уходил в стену, другой — в бак, закрытый крышкой.

— Без вашего касания тепло тоже идёт, — сказал он. — Не пытайтесь его удержать. Только слушайте.

Помощник открыл папку.

— Вопросы согласованы?

Ника повернулась к нему.

— Какие?

Он показал лист. Пять коротких пунктов: чувствует ли источник нестабильность, где возникает обратный ход, менялось ли его состояние после последнего усиления.

Ни одного вопроса о том, чего хочет сам Арден.

— Сначала скажу, кто я, — сказала Ника.

Помощник посмотрел на Дамиана.

— Пусть попробует, — ответил тот. — Если ответа не будет, зададим первый.

Женщина открыла боковую дверь. За ней оказался короткий проход и небольшая площадка. В одной стене был круглый смотровой проём с тяжёлой заслонкой. Пока закрытый.

Ника поставила стул напротив. Посидела, прикидывая высоту. Потом поднялась и передвинула ближе к левому краю.

— Там под ногой стык, — сказала женщина. — Ножку сдвиньте.

Ника сдвинула. Стул перестал качаться.

Дамиан закрепил защиту. Седая женщина встала у наружного съёма. Помощник устроился чуть дальше, под лампой. В тесном проходе сразу стало душно.

Заслонка отошла в сторону.

Ника увидела чешую, кусок каменной опоры и край закрытого глаза. За ночь на одном из креплений заменили накладку: новая медь светилась ярко, почти розово. Остальные были тёмными.

Арден не двигался.

— Начинайте, — тихо сказал помощник.

Помощник стоял ближе всех к прибору. Дамиан держался у бокового рычага.

— Он не машина.

Помощник опустил перо.

— Я вас не тороплю.

Она положила ладонь на пластину.

Тепло пришло сразу. Тяжёлое, насыщенное, совсем не похожее на ровный ход умывального отвода. Ника удержала пальцы свободными. Под лентой было сухо и тепло. Дамиан стоял рядом; на концах скобы ровно горел белый свет.

— Меня зовут Ника, — сказала она.

В закрытом глазу ничего не изменилось.

Она почувствовала, как тепло сдвинулось в сторону. Не от неё — мимо, в толщу стены. На пластине выступила тёмная капля конденсата, тут же высохла.

— Я слышала тебя. Вчера. Раньше тоже.

За круглым проёмом дрогнуло веко.

Ника перестала дышать, потом заставила себя выдохнуть.

Глаз открылся не полностью. Узкая янтарная полоса повернулась к свету, остановилась на краю проёма. Ника сидела неподвижно. Ей казалось, если сейчас пошевелиться, он снова закроется.

Тепло под ладонью замедлилось.

— Ты меня слышишь?

Ответа не было.

Помощник придвинул лист ближе к лампе. Бумага зашуршала. Арден отвёл глаз в его сторону; в металле что-то царапнуло, и Ника почувствовала резкую неприязнь — такую чужую, что сама обернулась, ища, откуда она взялась.

Дамиан перехватил её взгляд и потянулся к рабочему листу.

Ника покачала головой: не снимать.

— Я не знаю, как разговаривать, — сказала она. — Вслух или…

Тёплая поверхность исчезла.

Не охладилась. Перестала быть под рукой.

Ника стояла на камне, нагретом солнцем. Воздух пах мокрой шерстью, дымом и чем-то резким, зелёным. Перед ней двигалась человеческая ладонь. Небольшая. Раздельные пальцы, тёмные от работы, один ноготь расколот пополам. Ладонь медленно приблизилась, остановилась и легла на кожу у глаза.

Ника чувствовала каждый палец. Но не своей рукой.

Ей хотелось закрыть глаз, чтобы не задеть человека. Опустить голову. Воздуха вокруг было много: можно было повернуться, отвести шею, расправить что-то тяжёлое за спиной.

Далеко внизу текла вода.

На запястье человека была повязана выцветшая полоска ткани. Он улыбался, хотя Ника не могла разглядеть всё лицо — только щёку, подбородок, край рта. Человек был слишком близко.

За ним тянулась каменная арка. Открытая. Через неё виднелись небо и склон, покрытый жёлтой травой.

Ладонь исчезла.

Кожа у глаза осталась тёплой.

— Ника.

Она сидела на стуле. Дамиан держал её за плечо.

Ника моргнула. Стены вернулись не сразу: на месте смотрового проёма ещё стояло солнце. Пахло горячей медью, а она всё пыталась найти запах зелени.

— Руку уберите, — сказал Дамиан.

Её ладонь всё ещё лежала на пластине.

Убрала сама.

Белая линия на скобе погасла. Женщина за дверью закрыла наружный ход.

— Что случилось? — спросил помощник.

Ника сжала края стула. Дамиан присел, чтобы видеть её лицо.

— Здесь. Посмотрите на меня.

Она посмотрела. На виске у него прилипла тонкая нитка от повязки. Ника почему-то подумала, что надо убрать, иначе лекарь опять станет перевязывать.

— Видите меня?

— Да.

— Холодно?

Она прислушалась к себе. Руки тёплые. Ноги тоже. Сердце билось быстро, но пальцы не немели.

— Нет.

Женщина принесла воду. Ника взяла кружку обеими руками. Дамиан убрал ладонь с плеча.

В проёме двигался Арден. Он смотрел на неё, чуть повернув голову. На нижнем креплении шеи натянулась цепь, звено медленно приподнялось над камнем.

— Ему больно, — сказала Ника.

Дамиан оглянулся.

— На правой опоре?

— Не знаю. Я… Нет. Там раньше не было…

Она замолчала. Перед ней снова мелькнула человеческая рука.

Помощник поднёс перо к листу.

— Он ответил?

— Я увидела человека.

— Где?

В круглом проёме за дрожащим воздухом ничего нельзя было различить.

— Не здесь.

Мужчина подождал. Ника рассказала про ладонь, повязку, открытое небо. Пока говорила, всё становилось менее отчётливым. Точно помнила расколотый ноготь. Не могла вспомнить, с какой стороны он был сломан.

— Записывайте как её восприятие, — сказал Дамиан помощнику. — Не как слова источника.

— Я так и пишу.

— Я не спала, — сказала Ника.

— Я видел. Но мы не знаем, что это было.

Она поставила кружку. Вода дрожала уже от движения стола: внутри зала Арден передвинул челюсть по опоре.

— Ещё можно?

Дамиан посмотрел на часы. Женщина проверила метку на защитной ленте.

— До предела далеко, — сказала она. — Но если опять перестанет отвечать…

— Я слышала, — перебила Ника. — Вас. Сначала далеко. Потом рядом.

Дамиан подождал, пока она закончит.

— Когда зовут, снимаете руку. Сами. Не ждать, пока подойду.

Помощник перелистнул страницу.

— Тогда попробуйте спросить про обратный ход.

Она вернула ладонь на пластину.

На этот раз держалась за комнату: считала винты на подставке, слышала, как перо скользит по бумаге, видела Дамиана справа. Тепло пришло медленно, будто Арден уже отвернулся и не собирался возвращаться.

— Это ты показал? — спросила Ника.

Дамиан не перебил, хотя в списке такого вопроса не было.

Внутри пластинки прошёл длинный низкий толчок. Глаз в проёме сузился.

— Человек, — сказала она. — С повязкой на руке. Кто это?

Тепло застыло.

Нике показалось, что сейчас снова увидит солнце. Вместо этого почувствовала давление на шее — не на своей, гораздо ниже, там, где цепь подходила к кольцу. Попыталась выпрямиться. Давление усилилось.

Она наклонила голову, и стало легче.

За проёмом Арден лежал с опущенной челюстью.

— Поняла, — сказала Ника. — Не надо.

Ощущение ослабло.

Помощник подвинул к ней лист с первым вопросом. Она не посмотрела.

— Почему тепло идёт обратно? Тебе мешает? — спросила она.

Слово пришло сквозь металл так тихо, что Ника почти приняла его за собственную мысль.

— Хватит.

Затем ещё одно, отрывистое:

— Брать.

Она посмотрела на Дамиана. Тот следил за меткой на ленте. Он ничего не услышал.

— Вы забираете слишком много, — сказала Ника.

Помощник поднял голову.

— Это ответ?

— «Хватит брать». Так он сказал.

За дверью старшая смены провернула наружное кольцо. Ника ощутила, как поток под ладонью раздвоился. Часть ушла в защиту; другая тянулась к ней, густая, почти неподвижная.

Дамиан сказал:

— Завершаем.

Ника сняла руку.

На миг ей показалось, что за пальцами тянется что-то ещё. Хотелось приложить ладонь снова, дать договорить, объяснить, что она не уходит насовсем. Она сжала пальцы в кулак и положила на колено.

Проём закрыли.

Стало видно, что одна из петель заслонки смазана недавно. Излишек масла собрался тёмной каплей. Ника смотрела на него, пока женщина снимала с неё ленту.

— Почему закончили? — спросил помощник. — Можно было ещё выяснить…

— Для первого контакта достаточно, — ответил Дамиан. — Отчёт допишете наверху.

Ника поднялась со стула. Старалась не смотреть на закрытую заслонку.

На наружном посту Северин дождался, пока все трое распишутся. Помощник ушёл первым, забрав листы. Ника хотела попросить копию, но он уже повернул за угол.

— Получите после записи, — сказал Дамиан. — Сверите, не исказил ли.

— Я сама напишу.

— И это тоже.

В комнате осмотра лекарь заставил её посидеть перед открытой дверью, потом закрыл, чтобы не тянуло. Температура была чуть ниже исходной, но оставалась в допустимом промежутке.

Он спросил про головокружение. Ника рассказала, что видела солнце и чужую руку.

Лекарь выслушал без улыбки.

— Сейчас видите?

— Нет.

— Покалывание, тяжесть в шее есть?

Она покачала головой.

— Если останется что-то чужое после снятия связи, сразу приходите. Сегодня ещё проверю после обеда.

Он сделал запись и вышел.

Ника сидела, поставив ноги рядом. Дамиан остался у двери.

— Почему вы ему не сказали? — спросила она.

— Кому?

— Помощнику. Что источник зовут Арден. Он всё время «источник» пишет.

— В рабочих листах так принято.

— Вы тоже так пишете?

Дамиан сдвинул большой палец с имени на обложке папки. Чернила под ним успели размазаться.

— Да.

Ника вернулась к окну. На стекле оседал снег, а за ним рабочие вели тележку к нижним воротам.

Внизу двор был мокрым. В желобе застряла ветка, вода переливалась через край. Ей очень захотелось попасть на улицу, в обычный холод, где не нужно спрашивать, кто кого слышит.

— Можно я до комнаты сама?

— Можно. После обеда к лекарю.

Она поднялась. Он открыл дверь и на этот раз остался внутри.

У себя Ника застелила пустую кровать покрывалом: на неё удобно было разложить бумаги. Взяла чистый лист и принялась рисовать.

Сначала арку. Потом руку, которую видела совсем близко. Пальцы вышли слишком длинными, повязка походила на бинт. Ника зачеркнула. На втором рисунке ладонь получилась шире. Она отметила расколотый ноготь, поставила рядом вопрос.

Попыталась вспомнить крепления. В том, что увидела, не было кольца вокруг шеи. Ладонь касалась кожи свободно. За пределами рисунка оставалось то, чего она не успела рассмотреть.

Ника написала под рисунком: «Рука без перчатки. Полоска ткани на запястье. Арка открыта. Снаружи трава». Отдельно: «Не знаю, когда. Не знаю, кто».

Потом накрыла рисунок другим листом и записала слова Ардена.

Копию отчёта принесли ближе к вечеру. Там значилось: «Источник обозначил избыточный отбор. Нуждается в проверке». О человеке написали коротко: «Зрительный образ при контакте».

Ника перечитала, вписала на полях точные слова, которые услышала. Про шею добавила сама. Отнесла помощнику, попросила перенести исправления в основной экземпляр и подождала, пока он это сделает.

Когда вернулась, в коридоре стоял Ольм с маленьким бумажным пакетом.

— Из нижнего города. Вам.

Внутри лежала новая деревянная задвижка. Тим вырезал её до конца, просверлил отверстие и привязал записку: «Эта ровная. Если там шкаф плохой».

Ника села за стол. Провела большим пальцем по шершавому краю. На одной стороне брат оставил след ножа — короткую глубокую зарубку. Наверняка решил, что она не заметит.

Она положила задвижку рядом с рисунком чужой ладони. Несколько минут смотрела на обе вещи. Потом достала карандаш и написала Тиму, где именно надо было резать мельче, а внизу добавила: «Спасибо. Пригодится».

Глава 12. Выходной

В город Ника ехала на телеге с пустыми корзинами. На спуске они подпрыгивали и били её по коленям; одну пришлось придерживать сапогом. Возница оглянулся, предложил пересесть к нему, но Ника отказалась. Здесь можно было смотреть назад, как за поворотом исчезают ворота.

Впервые за несколько дней у неё не было с собой книжки замеров. Она оставила её под бельём в шкафу, который теперь закрывался на Тимову задвижку. Измеритель взяла. Без его тяжести сумка казалась чужой.

У Прачечного переулка возница остановился.

— Обратно после вечернего колокола, у аптеки. Подожду, пока госпожа Соль бумаги заберёт.

— Я помню.

Дома пахло мокрой шерстью и поджаренным луком. Агата стояла у стола, раскладывала чужие рубашки. Рукава у неё были закатаны выше локтей, на щеке прилипла нитка.

— Сапоги вытри. Я только пол вымыла.

Ника потопталась на половике. Тётя посмотрела на неё поверх стопки белья, бросила рубашку и подошла обнять. Сжала так крепко, что подбородок упёрся Нике в плечо.

— Ну что ты, — сказала Ника.

— Стой спокойно.

Она постояла.

Тим появился из кухни с ломтем хлеба. На нём была Никина старая кофта: короткие рукава и растянутый ворот, который он всё время поправлял.

— Пришла, — сказал он.

— Вижу, ты тоже.

— Я тут живу.

Ника потянулась к его макушке. Он увернулся, но, когда она прошла к столу, двинулся следом и сел вплотную, хотя места хватало.

На обед была картошка с луком. Агата положила Нике большую порцию, потом подождала, пока та возьмёт вилку, и подложила ещё. Первые несколько минут разговаривали только про бельё. Хозяин постоялого двора прислал простыни с воском; соседка опять зажала плату за сушку; временный обход вчера давал тепло почти до полуночи.

— Так до утра бы и давали, — сказал Тим. — Чего закрывать, если идёт?

Ника перестала жевать.

Вилка Агаты замерла над тарелкой.

— У них вся улица на этом обходе, — сказала она. — Не только наш дом.

— Я знаю.

Тим ковырнул картофелину. На ногте большого пальца у него была свежая чёрная полоска. Ника заметила её и сразу отвела глаза.

— В замке тоже бывает холодно? — спросил он.

— В северном переходе.

— А в комнате?

— Нет.

— Хорошо, значит.

Он потянул к себе хлебницу. Ника подвинула её, потом заставила себя доесть.

После обеда Тим принёс коробку с обрезками дерева. Показывал, как сделал второй засов: сначала вырезал длинный, тот раскололся, потом пришлось отнять от заготовки лишнее. Заодно признался, что испортил нож.

— Какой?

— Тот, который ты всё равно точила бы.

— Дай сюда.

У острия выкрошился край. Ника провела по нему ногтем, взяла с полки брусок. Тим сидел напротив, следил за каждым движением.

— В камень попал?

— В гвоздь. Он под краской был.

— Старую доску прежде осматривай.

— Я осматривал. Там краска.

Он говорил с такой досадой, что Ника не стала спорить. Смочила брусок, показала, под каким углом вести лезвие, отдала ему. Тим попробовал, скривился от звука.

В дверь постучали.

Соседка снизу просунула голову, увидела Нику и сразу вошла. Под мышкой у неё была жестяная грелка с отвалившимся носиком.

— Мне сказали, ты приехала. Глянь, а? Только глянь. Я сама запаяю, если скажешь, куда.

Ника отложила брусок.

У грелки треснул шов. Пайка рядом держалась, но жесть истончилась, и чинить пришлось бы всё дно.

— Лучше новую пластину поставить. Тут опять потечёт.

— А от вас такую не дадут?

— От кого?

Соседка махнула рукой в сторону горы.

— Ну, от управления. Ты же теперь там. У нас в комнате под окном уже белое. Я и тряпкой затыкала, и войлок клала. Вы бы хоть ночью прибавили.

— Я подачей не распоряжаюсь.

— Да я понимаю. Попросить-то можешь. Нас пятеро, ребёнок кашляет. Запиши адрес.

Адрес Ника знала. Она и отвод туда чинила, и в соседскую комнату заглядывала: на подоконнике стояли три горшка, в которых ничего не росло.

Агата вышла из кухни, вытирая руки.

— Оставляй грелку. В понедельник в мастерскую отнесём.

— Мне до понедельника как?

Тётя помолчала, потом достала из-за занавески свою.

— На. Эту вернёшь.

Соседка попробовала отказаться, но грелку взяла. На пороге опять посмотрела на Нику.

— Всё-таки скажи там. Нам много не надо.

Когда дверь закрылась, Тим спросил:

— Ты скажешь?

— Про холодные комнаты знают и без меня.

— А чего тогда…

— Тим, — сказала Агата.

Он резко нагнулся над ножом. Брусок заскрежетал.

Ника взяла пустые тарелки и унесла на кухню. Вода в ведре была тёплая. Она опустила туда руки, долго не брала тряпку.

Агата пришла следом.

— Что у вас случилось?

— Ничего с подачей. Не сегодня.

— Я не про подачу спросила.

Ника вытащила тарелку, стала мыть. Под засохшей картошкой пряталась трещина, раньше её не было. Наверное, Тим уронил.

— Я кое-что узнала по работе. Рассказывать нельзя.

Тётя прислонилась бедром к столу.

— Бумагу заставили подписать?

— Дали прочитать. Я подписала.

— После того, как узнала?

Агата забрала вымытую тарелку, вытерла. Положила на полку слишком осторожно.

— Ты можешь оттуда уйти?

— Да. Мне оплатят дни. В бумагах это осталось.

— А сама уйдёшь, если понадобится?

Ника взяла следующую тарелку.

— Не знаю, когда именно понадобится.

Тётя посмотрела на неё так, что она пожалела о своей честности. Потом Агата выдернула у неё из рук тряпку.

— Иди к Лее. Она утром заходила. Я тут закончу.

— Ты сердишься?

— Я хочу, чтобы ты была дома к ужину. Справишься с этим?

— Да.

Лея сидела в аптеке на корточках и составляла пузырьки в ящик. За окном стемнело раньше обычного, хотя до вечера оставалось далеко. На прилавке горели две лампы, от одной пахло прогорклым маслом.

— У меня полчаса, — сказала она вместо приветствия. — Потом хозяйка вернётся и увидит, что полки ещё грязные.

Ника сняла пальто.

— Давай тряпку.

Они разобрали верхнюю полку вдвоём. Лея называла настойки, Ника передавала их в нужном порядке. Несколько этикеток от сырости отклеились; пришлось держать пузырьки за горлышко, чтобы не перепутать.

— Как приглашение? — спросила Ника.

— Лежит.

— Ты ответила?

— Ответила. Хозяйке сказала, что поеду весной.

Ника обернулась.

— Уже?

— Мне до весны ещё деньги копить.

Лея взяла у неё пузырёк, прищурилась на осадок. Убрала отдельно.

— Можно было не торопиться, — сказала Ника. — Мало ли что…

— Что?

— Ну. Здесь.

Лея поднялась с корточек. Колени у неё хрустнули.

— Я знаю, что здесь. Ты мне лучше верхний угол протри, я не достаю.

Ника молча встала на табурет.

В углу скопилась чёрная липкая пыль. Она соскребла её ногтем сквозь тряпку. Внизу Лея отряхивала юбку, оставляя на ней светлые следы от порошка.

— Я не хотела, чтобы ты оставалась, — сказала Ника.

— А прозвучало так.

— Да. Глупо.

Она слезла с табурета, прополоскала тряпку. Лея всё ещё стояла у ящика.

— У меня денег хватит, наверное, на дорогу и на две недели комнаты. Если не пройду, обратно пойду с обозом. Это я уже узнала. Не надо смотреть на меня, как будто меня завтра заберут и я пропаду.

Ника сжала мокрую ткань.

— Что тебе нужно к испытанию?

Лея немного помолчала.

— Переписать рецепты. Те, что хозяйка разрешит. И ещё добраться до лечебницы: там лекарь обещал показывать перевязки, но в мои часы я отсюда не уйду.

— Я могу подменить тебя с полками. Когда освобожусь.

— Ты настойки без меня не выдавай.

— Обойдутся полками.

Лея кивнула. Потом села на край прилавка и впервые за всё время внимательно посмотрела на неё.

— А у тебя как?

Ника рассказала про комнату, пустую кровать, Ольма и караульного, который даже знакомых записывает заново. Про пробу на малом контуре. Про то, что в еду кладут столько масла, будто оно ничего не стоит.

Лея слушала, потом спросила:

— Рейн всё время рядом?

— Когда работаю.

— И как он?

Ника хотела сказать: «Обычный». Не получилось.

— Мешает иногда.

— Это у тебя многие делают.

Лея улыбнулась. Ника тоже, но улыбка быстро сошла.

Над аптечной дверью проходила тонкая медная труба. Внутри тихо постукивало. Ника поймала себя на том, что считает удары.

— Голова кружится? — спросила Лея.

— Нет.

— Ты опять замолчала.

Ника посмотрела на подругу. У той под глазом была засохшая капля настойки. Лея всегда мазалась ею, когда работала усталой: чесала щёку, не вымыв руки.

Лея стояла так близко, что Ника видела муку на её рукаве. Можно было сказать ей хотя бы о глазе за железными прутьями. Ника сжала мокрую тряпку, пока вода не потекла между пальцами.

— Работа сложнее, чем я думала, — сказала Ника.

— Тебе помогают?

— Да.

Лея дождалась, пока капли перестанут падать на пол. Вопроса не повторила.

— Ладно, — сказала подруга. — Только не тяни до того, что тебя опять принесут.

Они дописали этикетки. С хозяйкой, вернувшейся раньше, Ника договорилась про часы Леи: пока только на один день, если в управлении отпустят вовремя. Сама Лея в разговор не вмешивалась, зато потом сунула Нике в карман пакет сушёных яблок.

— Мне дали много. Бери.

Дома Тим уже грел ужин. Нож он наточил, но кончик остался неровным. Ника сказала, что пока пойдёт. Агата села рядом и попросила передать хлеб, не возвращаясь к разговору на кухне.

Телега ждала у аптеки. Ника успела, даже пришлось стоять под навесом, пока Марта сверяла какие-то накладные с возницей. Потом бригадир отвела её в сторону.

— Подписанные листы по аварии наконец отдали. Когда вернёшься к нам, разберём. Только Терна пока не тревожь. Он письма читает и злится, что сам прийти не может.

— Как рука?

— Перевязки делают. Долго это.

Марта посмотрела на её новые перчатки, торчащие из кармана, и больше ничего не спросила.

На обратном пути ветер бил в лицо. Ника всё-таки пересела к вознице. Он укрыл ей колени краем своего одеяла и принялся рассказывать, что белая лошадь научилась открывать зубами мешок с овсом.

В замке было тихо. Ника отметилась у ворот, поднялась в комнату и сначала не стала зажигать лампу. Нащупала в кармане яблоки. Одно съела стоя; сухая кожица прилипла к зубам.

Книжка лежала под бельём, как она её оставила.

Ника открыла последние записи, но через несколько строк закрыла снова. Достала чистый лист и написала адрес соседки. Ниже — когда сильнее всего остывает комната, где труба и сколько человек живёт. Утром можно было передать это в обычную ремонтную очередь. Для такого письма ей не требовалось разрешение хранителей.

Глава 13. Ошибка на карте

Лист с адресом забрал мастер, выдававший утренние задания. Прочёл, приписал номер очереди и протянул Нике отрывной край.

— Только на этой неделе не обещаю.

— Посмотреть хотя бы.

— Посмотрят. Если сквозняк от рамы, плотнику передам.

Ника убрала номер в карман. Ей хотелось возразить, что в комнате мёрзнут пятеро, но это она уже написала.

На нижнее кольцо её сегодня не ждали. Лекарь назначил день без связи: после первого образа нужно было убедиться, что ничего не возвращается само. Ника уже дважды ответила, что не возвращается. Он всё равно оставил запрет до следующего утра.

Дамиан нашёл её у стола с распределительными схемами. На этот раз принёс не папку, а длинный свёрток. Развязал тесёмку, придавил углы грузиками.

— Вы говорили, что четвёртый северный нужно смотреть на месте. Вот наружная часть.

— Это который снят?

— По ведомости. Но на ночных пластинах там есть расход.

Ника наклонилась над бумагой. Линия шла вдоль старой подпорной стены, делала излом и обрывалась у прямоугольника с двумя поперечными чертами. Рядом стояло: «возвратная камера».

— Здесь ворота, — сказала она.

— Где?

— Вот этот поворот. Если это стена над Красильным спуском, здесь ворота. Я там через двор ходила, когда нижнюю лестницу залило.

Дамиан повернул лист.

— На схеме спуск южнее.

— Спуск, может, и южнее. А ворота здесь.

Он достал второй лист. На нём дома стояли гуще, вдоль стены появилась пристройка. Ника узнала длинный навес, под которым когда-то пережидала дождь. Сравнила оба плана, приложив ноготь к углу двора.

— Масштаб разный, — сказал Дамиан.

— Я вижу. Но вот лестница. Она до стены доходит, а тут между ними целый дом нарисован.

Они позвали чертёжника. Тот долго искал отметку на обороте, принёс прозрачный лист, наложил на планы и признал: при переносе старой сети на новую основу один участок сдвинули. Не весь северный ход. Только квартал у подпорной стены.

— Как давно? — спросил Дамиан.

— На этой копии уже было.

— А та с какой?

Чертёжник не ответил. Унёс оба плана, вернулся с третьим и маленькой каменной меркой. На старом оригинале прямоугольник оказался гораздо шире.

Ника придвинула лист к окну. Протёртая складка пересекала надпись, оставив от середины слова только царапины. Под словом «камера» стояла ещё одна строка, очень мелкая.

— «Три ячейки», — прочла она.

— Для возврата три не нужно, — сказал Дамиан.

Чертёжник забрал лист, поднёс ближе к глазам.

— Если делили поток…

— Тогда были бы выходы. Тут один.

Под стёртым словом темнела черта, похожая на букву «п». С таким же успехом это могла быть трещина бумаги.

— Поедем? — спросила она.

Дамиан взглянул на неё.

— Без проб.

— У меня прибор есть.

— Прибором можно. Руками в действующую сеть — нельзя.

— Я вчера тоже ничего не трогала.

— Хорошо.

Она ждала ещё какого-нибудь замечания, но он уже свернул планы.

Разрешение на осмотр внешнего узла выдали после полудня. С ними отправили городского слесаря, лестницу, два фонаря и караульного с ключами. Ника успела поесть и забрать из комнаты старые рабочие перчатки. В новых было жалко лазить по кладке.

На Красильном спуске всё оказалось ближе, чем на бумаге. Излом трубы шёл прямо под воротами; пристройка, которой на первом плане не было, занимала почти весь двор. Под навесом лежали рамы и сломанные сани. На дверях висела табличка сапожной артели.

Женщина в кожаном фартуке выслушала слесаря, посмотрела на Дамиана и молча пошла за старшим. Тот пришёл с сапогом в руке, словно разговор застал его посреди важнейшей примерки.

— За склад мы платим, — сказал он.

— Склад нам не нужен, — ответила Ника. — Только к трубе пройти.

Он посмотрел на её сумку с инструментами и заметно успокоился.

Внутри пахло кожей, клеем и мышами. Между ящиками оставался узкий проход. Ника шла боком, стараясь не уронить фонарь; Дамиан зацепился застёжкой пальто за деревянную раму. Старший артели придержал её, как будто рама была хрупкой, а Рейн — неповоротливым подмастерьем.

В дальнем углу обнаружилась заложенная дверь. Кирпичи в ней отличались цветом и были уложены без перевязки.

— Это давно? — спросил слесарь.

— При нас уже стояло. Оттуда тянуло, щели замазали.

Ника поставила фонарь на ящик, сняла перчатку и поднесла ладонь к стене, не касаясь.

— Снизу теплее.

Прибор подтвердил: у пола стрелка отклонилась, на уровне пояса почти легла. Дамиан присел рядом. В углу, за обрезками кожи, был чугунный лючок, закрашенный вместе со стеной.

Слесарь соскоблил краску с ободка. Замок поддался только после масла.

За лючком оказался короткий лаз. Дальше фонарь осветил ступени вниз и пустую площадку. Слесарь просунул длинную полоску бумаги: она едва шевельнулась.

— Вытяжка есть. Всё равно сначала откроем сверху.

Пришлось снова идти во двор, искать под снегом железную крышку. Снега было мало, зато под ним оказались доски и старый войлок. Пока их убирали, Ника успела вспотеть. Дамиан работал рядом. В какой-то момент она заметила, что он берёт тяжёлое только правой рукой.

— Левой не тяни, — сказала она.

Он отпустил доску.

— Я и не тянул.

— Ага.

Он посмотрел на неё, но спорить не стал.

Когда открыли верхнюю крышку и выждали, в камеру первым спустился слесарь. Проверил кладку, позвал остальных. Караульный остался во дворе. Хозяин артели отказался лезть, попросил только не расшатать стену.

Под землёй помещение было шире пристройки. Свет фонарей выхватил три каменных шкафа, выше человеческого роста. Между ними проходили толстые медные полосы, зелёные по краям. У ближайшего шкафа не хватало дверцы. Внутри ровными рядами лежали серые бруски с отверстиями.

Ника присела, осветила нижний ряд. Несколько брусков раскололись. Из трещин высыпалась белая крошка.

— Не трогай, — сказал слесарь. — Соль с глиной. Сырую кожу разъест.

Она отдёрнула руку, хотя и не собиралась брать.

Дамиан стоял у медной полосы, вмурованной в пол. Вынул из сумки схему, но разложить её было негде. Ника предложила спину; он на секунду растерялся, потом понял и рассмеялся.

— Обойдёмся.

Они прижали лист к стене. Слесарь поднял фонарь.

На бумаге действительно была возвратная камера. В помещении — три ячейки, у каждой своя заслонка, а под общим выходом сохранилась шкала с двумя словами: «заряд» и «отдача».

— Накопитель, — сказал Дамиан.

Ника поднесла фонарь к шкале. Чёрная метка стояла у нуля. Под ней кто-то давно выцарапал косую черту.

— Он работал?

— Для этого его и строили.

— Ну, мало ли что строят.

Дамиан сдёрнул перчатку и, не касаясь меди, осмотрел запорный узел. Слесарь подал ему короткий крючок. Вместе они убрали комок пыли, закрывавший литые цифры на крышке.

Ввод оставался тёплым. Дальше, за заслонкой, металл был холодный.

Ника приложила измеритель к доступной плоской площадке. Стрелка дрогнула, остановилась.

— На вводе остаточный ход, — сказала она. — До ячеек не доходит.

— Уплотнение пропускает, — ответил слесарь. — Не очень, но всё равно греет землю. А в ведомости у них снято.

Он сказал это без удивления. Достал мел, отметил крышку крестом.

Ника обошла дальний шкаф. У основания виднелся след течи, один угол кладки просел. Здесь было холоднее, чем у входа. Она подняла фонарь: на потолке осыпался раствор, но свод держался. Ни рёва, ни голоса, ни знакомого двойного толчка. Просто заброшенное помещение, куда много лет никто не спускался.

— Сколько здесь можно удержать? — спросила она.

Дамиан не сразу ответил. Он пытался прочесть табличку, покрытую белым налётом.

— Нужен состав брусков. Толщина оболочки. И сколько целых.

— Хотя бы примерно.

— Без размеров начну выдумывать.

Она сняла с пояса мерную ленту.

Дамиан посмотрел на неё и взял второй конец.

Они промерили целую ячейку. Подсчитали ряды, отметили треснувшие бруски. Потом слесарь показал им остатки верхней обвязки: без неё ничего включать было нельзя, даже если бы все заслонки сохранились.

— На возврате держали лишнее, — сказал он. — Чтобы по ночам не уходило в грунт. У меня учитель такую штуку помнил. Только не здесь, у старых бань.

— И почему перестали? — спросила Ника.

— А это ты у бумаги спроси. Там всегда умнее знают.

Дамиан записал адрес бань.

Ника снова взглянула на медный ввод. Ей представилось, как один из шкафов постепенно нагревается, отдаёт тепло в спящие дома, пока внизу под замком ослабевает натяжение цепи.

— На сколько хватит одной? На ночь?

Дамиан проследил за её взглядом.

— На какой расход?

— Прачечный переулок.

Слесарь коротко хмыкнул.

— С прачечными? Не хватит. Там котлы утром набирают.

— Без котлов. Ночью. Комнаты.

Дамиан закрыл книжку ладонью.

— Давайте сначала узнаем, держит ли она хоть что-нибудь. Сухие бруски, исправная обвязка. Малый образец наверху, а не этот шкаф.

Ника разозлилась на его спокойный голос. Он говорил так, словно они выбирали материал для полки.

— А потом скажете, что образец слишком маленький.

Слесарь отвернулся, занявшись фонарём.

Дамиан подождал.

— Могу сейчас обещать вам переулок, — сказал он. — Но это не согреет даже ваш дом.

Ника прикусила внутреннюю сторону щеки. Посмотрела на записанные размеры. Два из них она сняла неточно: мерка соскользнула в щель.

— Вот здесь передержи, — сказала она.

Он снова взял конец ленты.

Наверх выбрались по одному. У Ники затекла поясница, на колене пальто осталась белая пыль. Хозяин артели встретил их у стены и первым делом спросил, придётся ли переносить ящики.

— Для следующего осмотра освободить этот проход, — сказал Дамиан. — Заложенную дверь пока не трогать. Ввод перекроют снаружи, до смены уплотнения.

— А помещение чьё?

— Проверим вашу аренду. Вам выдадут запись о работах.

Хозяин хотел ещё что-то сказать, но жена показала ему сапог, который он всё ещё держал. Он выругался и ушёл.

Слесарь остался ставить пломбу на лючок. Дамиан отправил караульного за новой ведомостью: старая не отражала действующего ввода. Ника стояла под навесом и перерисовывала расположение шкафов, пока не забыла. Карандаш выскальзывал из замёрзших пальцев.

— В конторе допишем, — сказал Дамиан.

— Сейчас. У тебя фонарь не качается, а у меня здесь справа тень всё время была. Не могу вспомнить заслонку.

Она поняла, что сказала «у тебя», только когда он взял у неё фонарь.

— Так?

На рисунке обе линии наконец сходились в нужной точке.

— Так.

Он держал свет, пока она не закончила. Потом они закрыли двор и пошли в квартальную контору — оформлять находку, которая на первом плане была нарисована не там и называлась не своим именем.

Глава 14. Ночная пекарня

Квартальный писарь потребовал отдельную запись на каждую ячейку. Слесарь ушёл за книгой старых участков, вернулся с другой, потом оказалось, что первую всё-таки нужно было брать. Пока искали ведомость из кладовой, Ника успела дважды переписать размеры и стереть карандаш до дерева.

Дамиан сидел напротив. Без пальто он выглядел моложе: рубашка сбилась на плече, на манжете темнела полоса пыли. Он тоже переписывал. Когда писарь в очередной раз поправил название улицы, поднял голову.

— У вас на печати старое.

— Печать ещё не заменили.

— Тогда оба названия укажем.

Писарь посмотрел на него с обидой, словно это предложение лишало его последней радости.

Ника прикрыла рот ладонью.

Из конторы они вышли уже после вечернего колокола. Сани, на которых приехали, давно отправили обратно: лошадь нужно было кормить, а возница заканчивал смену. Дамиан предложил заказать другие.

— Пешком дойду, — сказала Ника.

— Наверху обледенело.

— Я там ходила до того, как ты родился.

Он посмотрел на неё.

— Сколько тебе лет?

— Восемнадцать.

— Мне девятнадцать.

Ника сбилась с шага и поспешила дальше.

— Очень давно ходила. Смысл тот же.

За спиной у неё раздался смешок. Она не обернулась.

У конторы они расстались со слесарем. Тот спешил к дочери, которой обещал забрать починенную коляску. Копии актов Дамиан убрал за пазуху. Ника засунула свои в сумку и обнаружила на дне половину пакета с яблоками.

Одно предложила ему.

— Это что?

— Яблоко.

— Вижу.

— Тогда зачем спрашиваешь?

Он взял дольку, попробовал. Ника съела две. До замка было далеко, и от этой еды стало только голоднее.

В переулке за красильней пахло хлебом. Обычно запах шёл оттуда по утрам, когда она спешила в мастерскую. Сейчас за окошком было темно, вывеску убрали, но под задней дверью пробивалась узкая полоска света.

Ника свернула.

— Закрыто, — сказал Дамиан.

— Спереди.

Она спустилась на две ступеньки, постучала костяшками в косяк. Ответили не сразу. За дверью что-то тяжело передвинули, потом женщина в белом фартуке приоткрыла ровно настолько, чтобы увидеть лицо.

— Хлеб утром.

— Вчерашний остался? Мы заплатим.

Женщина взглянула на Дамиана, потом на Никину сумку. Инструменты звякнули, когда Ника полезла за кошельком.

— Входите. Только на тесто не дышите.

Она впустила их в маленькую комнату при пекарне. На столе под влажной тканью поднимались длинные неровные бугры. В углу сушились рукавицы; на полу стояла миска для собаки, самой собаки видно не было.

Дамиан остался у порога.

— Сюда нельзя? — спросила Ника, показав на лавку.

— Садись. Тот плащ снимет, пусть тоже садится. Пыль только не трясите.

Женщина принесла каравай, отрезала два толстых ломтя. Один край был совсем тёмный, обугленный.

— Чуть подгорит — никто не берёт, — сказала она. — А внутри хороший.

Ника заплатила. Дамиан достал кошелёк, но женщина уже ушла к печи.

— За себя потом отдашь, — сказала Ника.

Он убрал деньги.

— Хорошо.

Ника отломила корку. Хлеб оказался плотным, с кислинкой. От жары затылок быстро взмок. Она расстегнула ворот и уставилась на свои руки: в складках пальцев сидела белая пыль, которую не удалось отмыть в конторе.

Женщина принесла кувшин горячей воды и две кружки.

— Заварки нет.

— Спасибо, — сказал Дамиан.

Хозяйка посмотрела на него внимательнее. Ника приготовилась к вопросу, но та лишь передвинула его пальто подальше от теста.

— Петлю сожжёшь. У печи не вешай.

Дамиан встал, перевесил пальто. Когда сел, Ника уже не могла сдержать смех.

— Что?

— Ничего. Такой вид, будто тебя впервые одёрнули.

— Как?

— Когда тебе велят отойти от печи.

Он опустил глаза на свою левую манжету.

— Удаётся не всегда.

— Заметно.

Они ели молча. Из соседней комнаты доносились скрип лопаты и короткие удары о печной край. Потом хозяйка загремела вёдрами; Ника поднялась, но ей велели сесть и не мешать в дверях.

За запотевшим окном вровень со столом проходили ноги. Чьи-то сапоги остановились, повернулись и ушли обратно. На улице мужчина окликнул другого, спросил дорогу к ночлежному двору.

— Ты здесь бывал? — спросила Ника.

— Нет.

— Вообще в этом квартале?

— На проверках. Но приходили с другой стороны.

— Там фасад выкрашен.

— Да, я заметил.

— А улицы у нас и сзади есть.

Она взяла кружку. Вода почти не имела вкуса, только от обожжённой глины тянуло землёй.

— Я знаю мало города, — сказал он. — Можешь ещё перечислить.

Она повертела кружку в ладонях. Дамиан произнёс это без насмешки, но и не улыбнулся.

— Ты зато знаешь, где под ним какая труба.

— Сегодня выяснили, что тоже не все.

Она фыркнула. От хлеба на стол посыпались крошки; Ника собрала их пальцем в маленькую горку.

— Я вчера домой ходила. Соседка принесла грелку. Думает, раз я теперь у вас, могу сделать, чтобы ночью не остывали стены.

— Ты передала адрес?

— Утром. Есть номер очереди.

Дамиан не предложил его забрать. Ника подождала и сама не стала доставать.

— Ещё подруга весной уезжает. Я знала давно. И всё равно сказала ей такую глупость, как будто она у меня разрешения не спросила.

— Куда?

— В Лирн. В лекарский дом, если выдержит испытание.

— Хорошее место.

— Был?

— Нет. Читал их отчёты. Они присылали способы лечения ожогов.

Он посмотрел на левую руку; Ника отвела глаза первой.

Из сумки торчал сложенный план. Она машинально задвинула его глубже, чтобы не испачкать.

— А ты куда бы поехал? — спросила она.

— Сейчас?

— Когда угодно.

Дамиан подумал так долго, что она пожалела о вопросе.

— К морю, наверное.

— Зачем?

— Не видел.

— Рыба пахнет ужасно.

— Ты видела?

— Рыбу — да.

Он улыбнулся. Ника глотнула воды, чтобы не улыбнуться в ответ слишком заметно.

— Я в двенадцать лет хотел уехать с землемерами, — сказал он. — У них была открыта запись на обучение. На три года. Вернулся бы и мог работать по северным дорогам.

— Почему не уехал?

— Сказали, мал ещё. Потом занимался здесь. А потом умер брат.

Ника перестала двигать кружку по столу.

В соседней комнате хлопнула заслонка. Хозяйка тихо выругалась, позвала кого-то во двор.

— Я не знала, — сказала Ника.

— Давно. Семь зим назад.

Он отломил хлеб, но есть не стал.

— Как звали?

— Кай.

— Старше тебя?

— На четыре года.

Значит, Каю было шестнадцать. Ника почему-то представляла погибшего брата Дамиана взрослым человеком, похожим на Элиаса.

— Он тоже был хранителем?

— Учился у хранителей. Его отправили к внешнему кольцу незадолго до аварии. Потом отец сказал, что Кай умер от лихорадки. Через два дня после обрушения. Я даже не видел его.

Ника уставилась на свой надкушенный ломоть. Хотела спросить, был ли Дамиан с ним, но вопрос застрял.

— Меня к кольцу не пустили, — сказал Дамиан. — Отец велел сидеть дома. Я прождал у ворот до темноты, пока меня не увёл караульный.

Он положил хлеб на стол. От пальцев остались две вмятины.

Ника подвинула к нему тарелку с хлебом. Только тогда заметила, что сама съела почти весь свой ломоть.

— У меня мать тоже зимой… — начала она и замолчала. — Ты знаешь.

О Кае и Эльзе они больше не заговорили. Хозяйка вернулась с охапкой дров, велела Нике придержать дверь. Та охотно вскочила. Дамиан отодвинул стул, чтобы освободить проход, и получил ещё одно замечание: стул качался, на него нельзя было опираться.

— Ножка короткая, — сказала Ника, присев.

— Вижу я, что короткая. Мне его ещё муж укоротил. Два раза.

Под сиденьем лежала тонкая щепка. Ника подложила её под ножку, попробовала стул рукой. Качался меньше.

— Надолго не хватит.

— До утра хватит. Дальше мы сами.

Хозяйка вытерла лоб предплечьем. На виске у неё оставалась мука. Она прошла к тесту, приподняла ткань, ткнула бугор пальцем. Ника смотрела, как вмятина медленно выправляется.

— У вас печь дровяная? — спросила она.

— Дровяная. От городской плитка, там воду держу. Хлеб на ней не испечёшь.

Ника посмотрела на маленькую чёрную плиту у стены. Медный отвод уходил за ней в кладку. Крышка чайника едва подрагивала.

Отвода хватало лишь на чайник. Хлеб пёкся на дровах, и без них пекарня закрылась бы.

Ника подсчитала расход на глаз и вернулась за стол.

Дамиан отодвинул для неё кружку подальше от края.

— Мы завтра посмотрим записи по накопителям, — сказал он негромко.

— У меня завтра осмотр и проба.

— После. Если лекарь разрешит.

— А если он ещё день скажет ждать?

— Записи можно читать и без пробы.

Ника отпила воды. Спор о размерах и расходе подождёт: за дверью снова заскребла лопата, а на обледенелый спуск к крепостной стене выходить не хотелось.

— Служба через два дня заканчивается, — сказала она.

Он поднял глаза.

— Я помню.

— Если останусь, условия заново обсуждать. До подписи.

— Да.

Она ждала, что он спросит, останется ли она. Дамиан взял свой хлеб и наконец доел.

Хозяйка собрала со стола, отрезала от каравая ещё кусок.

— Это с собой. Всё равно утром уже новый будет.

Ника завернула хлеб в чистую сторону старой накладной. Хотела дать ещё денег; женщина отмахнулась, а потом попросила посмотреть запор на ставне. Пришлось достать отвёртку. Дамиан держал фонарь во дворе, пока Ника подтягивала два винта.

Теперь он стоял близко. Из-за плеча падала его тень, закрывала ей руки.

— Левее, — сказала она.

Он передвинул фонарь. Тень ушла. Ника закрутила второй винт, проверила ставень и выбралась из-за пустых ящиков.

В переулке подморозило. Лужа, которую они переступили по дороге сюда, покрылась тонкой коркой. Дамиан поскользнулся первым, размахнул руками, сумел устоять. Ника схватила его за локоть уже после того, как опасность миновала.

— Осторожно, — сказала она.

Он посмотрел на её руку.

— Поздно.

Она отпустила.

До верхней лестницы шли рядом. Дамиан нёс фонарь, Ника — хлеб. На крутом месте она взялась за его здоровую руку; попросила держать ровно, пока ищет подошвой шероховатый край ступени. Он подстроился под её шаг. За поворотом стало суше, но ещё несколько ступеней она держалась за рукав.

У ворот караульный записал время. Спросил, где второй фонарь. Дамиан объяснил, что его увёз слесарь, назвал фамилию. Караульный нашёл её в утренней строке, поставил галочку. Ника всё это время стояла рядом, прижимая к себе тёплый бумажный свёрток.

В служебном крыле они остановились у лестницы.

— Сколько я должен? — спросил Дамиан.

Ника назвала сумму. Он отсчитал монеты, она убрала их в карман. От этого почему-то стало легче посмотреть ему в лицо.

— До завтра.

— Спокойной ночи, Ника.

Она поднялась к себе. В коридоре уже погасили половину ламп. Пришлось поискать ключ, зажав свёрток под мышкой.

В комнате было тепло. Ника повесила пальто на спинку стула, разложила документы, вытряхнула из сумки крошки соли и глины. Руки пахли железом от отвёртки и хлебной коркой.

Уже лёжа она вспомнила, как Дамиан размахивал руками на льду. Улыбнулась в темноте. Но стоило закрыть глаза, как она снова услышала имя, которое Дамиан произнёс за столом. Кай. Она несколько раз беззвучно повторила его, пока не уснула.

Глава 15. След матери

На очередном осмотре лекарь спросил, снилось ли Нике что-нибудь необычное.

Она вспомнила пекарню, склон перед воротами и то, как долго искала ключ, стоя перед собственной дверью. Во сне всё это перемешалось: Агата требовала от Дамиана вытереть сапоги, а он объяснял, что у него оба чистые.

— Нет, — сказала Ника.

Лекарь проверил её пальцы, послушал сердце. Приложил холодную пластинку к внутренней стороне запястья и велел сказать, когда перестанет чувствовать прикосновение. Ника сказала, что всё чувствует, а потом ещё раз, потому что он ждал.

— Короткая связь разрешена. С прежней защитой. Между попытками полный осмотр.

— Сегодня обязательно?

Он отложил пластинку.

— Это я у вас должен спрашивать.

В расписании на столе значилось: нижнее кольцо, половина одиннадцатого. Для её подписи не оставили даже пустой строки.

— Хочу сначала подготовить вопросы. В прошлый раз я ничего толком не спросила.

— Тогда готовьте. Отмену дежурным передайте, чтобы не ждали.

Он вернул ей пропуск. Ника вышла в коридор с ощущением, будто только что отказалась от еды, которую ей давно и упорно предлагали. У окна ждал Дамиан. В руках у него была книжка с вчерашними размерами.

— Сегодня вниз не пойду, — сказала она.

— Лекарь запретил?

— Нет. Я сама.

Он чуть нахмурился, но кивнул.

— Предупрежу смену.

— Мне нужно придумать, как спросить, чтобы он понял. Про обратный ход вы спрашивали годами. Я тоже спрошу — и что?

Дамиан посмотрел на проходившего мимо служителя. Подождал, пока тот скроется за поворотом.

— После архива можем разобрать записи в малой комнате. Там тише.

Сказано было обычным рабочим голосом. Ника почему-то почувствовала облегчение. Она не знала, как они будут разговаривать после вчерашнего вечера, и за ночь успела придумать несколько неловких вариантов.

В архиве их встретила Ирма Таль с пыльной тряпкой на плече. Вместо приветствия показала на переставленные стулья.

— Садиться пока некуда. Часть книг принесли сюда.

Вдоль окна стояли корзины, в них лежали свёрнутые карты и тонкие тетради с тёмными углами. С нижней полки шкафа всё сняли. Под ней расстелили холст, на котором собиралась вода.

— Протекает? — спросила Ника.

— Течи нет. Потеет стена. Мастер обещал посмотреть после праздника. У меня до праздника переплёты расползутся.

Ирма поправила тряпку, которая всё время съезжала на локоть.

— Вы за накопителями? Подборку я заказала. Но старые строительные книги в холодном хранилище. Пока мы их не разнесли по этажам, хочется понять, куда можно возвращать.

Ника уже открыла рот, чтобы спросить про дело матери. Ирма увидела это, сняла очки и потёр переносицу.

— Запрос по личному делу никто не отменял. Его нет в тех коробах, которые должны были остаться после переноса. Дальше нужно смотреть ремонтные журналы, посменные списки, выплаты. Это не одна книга. Сегодня я всё равно буду забирать оттуда строительные описи. Хотите — помогайте, а я подберу годы.

— А без помощи не подберёте?

Дамиан повернул голову. Ника уставилась на Ирму, чувствуя, как от злости сохнет рот.

Та надела очки.

— Подберу. Когда освобожусь. У меня трое людей, одна лестница и мокрые книги. Я не могу бросить их ради вашего запроса, даже если он важнее вам всего остального.

Ника отвела взгляд. На холст упала капля. Вода проступала по шву между камнями, медленно набухала и срывалась вниз.

— Покажите, где холоднее, — сказала она.

Хранилище оказалось под восточной лестницей. Здесь не было окон, зато в стене сохранился узкий продух, прикрытый железной решёткой. Короба стояли на деревянных подставках. Возле наружной стены подставки почернели.

Ирма принесла книгу выдачи, велела ничего не двигать без отметки. Дамиан пошёл за мастером, обслуживавшим архивную ветку. Ника достала измеритель и сначала проверила его на ладони: стрелка вернулась к покою, не заедая. Потом присела у тёплой медной полосы, которая шла по полу к дальней стене.

Тепло уходило мимо хранилища. Полоса входила в камень, а по другую сторону прохода грела лестничную клетку. Ника обошла кладку, сняла несколько показаний и вернулась к продуху. Там воздух тянул сильно, хотя решётка выглядела закрытой.

За ней был второй затвор. Железо прогнулось, оставив сверху щель шириной в палец.

— Его не закрывают, — сказала Ирма. — Иначе бумага сыреет ещё больше.

— Намертво не надо. Здесь слишком тянет. И шкаф нельзя вплотную к холодной стене.

— Его раньше отодвигали. Проход становился узкий, книги задевали.

Ника посмотрела на ряды. Между ними едва проходил человек с корзиной. Сдвинуть один означало переставить остальные. Она представила, сколько на это уйдёт времени, и убрала прибор в чехол.

Ирма молча взяла ближайшую тетрадь, подложила под неё дощечку и понесла к выходу.

Ника догнала её у лестницы.

— Давайте сначала освободим вот этот край. Тогда мастер подлезет к решётке. Я отмечу, что сняли.

До полудня они переносили книги. Дамиан вернулся с мастером и тоже остался. Карту он однажды взял за свободный край; Ирма так резко остановила его, что он чуть не выронил весь свёрток. Потом ему выдали широкую доску и показали, как подхватывать.

Ника записывала номера. Несколько тетрадей пахли кисло, одна слиплась по краю. У неё обнаружились мокрые пятна на юбке: прижимала книги к себе, чтобы удержать.

Когда добрались до продуха, мастер снял решётку. За ней набилось птичьих перьев и мусора. Затвор не закрывался из-за маленького камня, застрявшего под нижним краем.

— Кто-то подпёр, — сказал он. — Видно, в оттепель открыли, потом забыли.

Он убрал камень, выставил узкую щель и пообещал прийти вечером проверить сырость. Медную полосу перенаправлять не стали. Временную ширму из досок поставили между стеной и ближайшими подставками; Ирма выбрала для них другой ряд, сухой, но неудобный. Ника проставила новые места в книге выдачи. На полях осталась её неровная подпись.

Только после этого Ирма принесла свёрток ремонтных журналов.

— Здесь три зимы. Мне удалось найти не все.

— А более старые журналы? — спросила Ника.

Ирма показала на пустой участок полки.

— В описи они есть. В хранилище — нет. Если их передали на север, должна остаться расписка. Но пока я нашла только номер связки.

Ника вытерла руки, потом ещё раз, когда увидела на пальце тёмную полоску. Дамиан отвёл для неё половину стола. Рядом положил свою чистую тряпку, не предлагая вслух.

В первых журналах были обычные работы: замена втулки, осмотр кладки, очистка возврата. Ника читала каждую фамилию. Одни повторялись десятками раз, другие мелькали на полях и исчезали. За окнами прошёл обоз, кто-то громко окликнул привратника. Она подняла голову и обнаружила, что уже давно не слышит, о чём говорят рядом.

— Вы можете пропустить год, — сказала Ирма. — В этой книге вшит старый остаток.

Ника вернулась к началу, проверила дату. Действительно, несколько листов относились к другой зиме. Она отметила их бумажной полоской, продолжила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.